

Академия наук Абхазии
Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа
Абхазский государственный университет

Александр Алексеевич
ДЕМЬЯНОВ

ЗАПИСКИ
об Абхазии и Грузии
(1918 – 1921)

Сухум – 2021

УДК 93/94
ББК 63.2 (5Абх)2
Д 32

А.А. ДЕМЬЯНОВ. Записки об Абхазии и Грузии (1918–1921 гг.)/
Сост.: С.З. Лакоба. – Сухум: Дом печати, 2021. – 184 с.
Г/р 978–5–155–03–01021

Автором воспоминаний «В Абхазии и Грузинской социалистической Республике» (Константинополь, 1921) является известный политический и государственный деятель России, депутат II Государственной Думы (1907), видный юрист, руководитель Министерства юстиции Временного Правительства (1917) Александр Алексеевич Демьянов (1865–1925). После прихода к власти большевиков он уезжает из Петрограда на Кавказ. С января 1918 г. по ноябрь 1919 г. вместе с семьей проживает в Сухуме, занимается адвокатской практикой, избирается депутатом Абхазского Народного Совета, отстаивает интересы небольшой страны, подвергает резкой критике политику Грузинской демократической республики в отношении многонациональной Абхазии, в связи с чем арестовывается и высылается...

В воспоминаниях А. А. Демьянова читатель найдет много интересного, неожиданного. Они были написаны автором ровно 100 лет назад и сохранились в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Знаменательно, что именно сейчас появилась возможность опубликовать исторические записки – бесценные свидетельства очевидца и участника эпохальных событий переломного для всего Закавказья и России периода.

Рецензент: доктор исторических наук А.Ф. Авидзба

СЕРИЯ: Неизвестная Абхазия. XX век. №1.

Предисловие, комментарии, краткие биографические справки (именной указатель) и научно-справочный аппарат подготовлены С.З. Лакоба.

Рукопись воспоминаний расшифрована составителем, дается в полном объеме, фактически без сокращений. Авторские стиль, орфография и пунктуация сохранены без изменений.

©А БИГИ, 2021

© Станислав Лакоба, 2021

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Внимание читателей предлагается неизвестная архивная рукопись видного государственного и политического деятеля России Александра Алексеевича Демьянова (1865–1925) – «В Абхазии и Грузинской социалистической Республике» (Константинополь, 1921). Автор особо отмечает: «Предлагаемые мною записки передают лишь то, что проходило перед моими глазами и что, мне казалось, не должно быть забытым в истории русской революции. Записки охватывают время приблизительно с января 1918 г. по март 1921 года, когда я выехал из Батума в Константинополь. Записки неполны и бессистемны. На них не следует смотреть, как на книгу о Грузии и Абхазии, которая претендовала бы на полноту изложения всего того, что касается так или иначе этих двух русских окраинных государственных образований»¹.

У Александра Алексеевича Демьянова богатая и интересная биография. После окончания юридического факультета Петербургского университета, в 1899 г. он стал присяжным поверенным, вошел в кружок молодых петер-

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р – 6632. ОП.1. Д.4.Л.1.

бургских адвокатов, среди которых были Н.Д. Соколов, П.Н. Переверзев, Г.Д. Сидамонов – Эрстов, А.Ф. Керенский... В 1906 г. стал одним из основателей Трудовой народно-социалистической партии, а в 1907-м – депутатом II Государственной Думы. После Февральской революции 1917 г. играл видную роль во Временном правительстве Г.Е. Львова, а затем А.Ф. Керенского, руководил 2-м Департаментом Министерства юстиции (ведая назначением судей), с мая 1917 г. занимал пост товарища Министра юстиции (заместитель П.Н. Переверзева), с 3 по 25 сентября 1917 г. фактически возглавлял это министерство. После большевистского переворота в октябре 1917 г., в ноябре – декабре, координировал деятельность подпольного «Малого» Совета Временного правительства, заседания которого проходили у него на квартире в Петрограде. В январе 1918 г. выехал в Новочеркасск для встречи с атаманом Дона, генералом А.М. Калединым (вскоре застрелился, 29 января 1918 г.), с которым обсуждал вопрос о переезде Временного правительства из Петрограда в Новочеркасск. Миссия потерпела неудачу, и Демьянов направился в Сухум, где вскоре, в марте 1919 г., стал депутатом парламента третьего Абхазского Народного Совета (с мая 1919 г. Народного Совета Абхазии). За критику политики меньшевистского правительства Грузии в отношении ущемления прав Абхазии был арестован и выслан в Тифлис, затем перебрался в Баку и Батум, занятый англичанами (ноябрь – декабрь 1919 г.), а с приходом большевиков в марте 1921 г. – в Константинополь. Потом недолго пробыл

в Берлине, жил в Праге, где и умер в 1925 г. (похоронен на Ольшанском кладбище).

Подробно и очень интересно о своей политической деятельности в этот период (1917–1921 гг.) А.А. Демьянов рассказал в воспоминаниях, изданных в Берлине в 1922 г. – «Моя служба при Временном Правительстве»¹ и в «Записках о подпольном Временном Правительстве»².

Записки «В Абхазии и Грузинской социалистической республике»³ представляют собой продолжение воспоминаний А. Демьянова по данной тематике, которые долгое время хранились в Заграничном историческом архиве в Праге, а затем в Москве и до сих пор не опубликованы в полном объеме (в рукописи 142 листа).

В Абхазии Александр Демьянов жил с января 1918 г. до конца ноября 1919 г. Депутат от эстонской общины в Народном Совете Абхазии (март 1919 – март 1921 г.) Август Мартин (1893–1982) в своих воспоминаниях⁴ неоднократно упоминает своего коллегу, депутата НСА от

¹ Архив Русской революции. Берлин.1922. Т. IV. С.55 – 120.

² Архив Русской революции. Берлин.1922. Т.VII. С.34 – 52.

³ Фрагмент этой рукописи был опубликован студентами Историко-архивного института РГГУ: Бжания М.Г., Князева А.А. История революционного движения в Абхазии по фондам Государственного архива Российской Федерации (1905 – 1921гг.). Сборник документов.М.2019. Документ № 57: С.213 – 227.

⁴ Абхазский государственный музей (АГМ). Ф.3. ОП.1. Д.89: Мартин А. Из моих воспоминаний об Абхазии; Абхазия – документы и материалы (1917–1921 гг.). Составитель Р.Х.Гожба. Сухум.2009. С.273 – 296.

оппозиции (независимые социалисты, «независимцы» С. Чанба, М. Цагурия, Д. Алания, И. Маргания, Р. Какубава (Какуба), А. Мартин) А. Демьянова, который принимал самое деятельное участие в разработке конституции Абхазии. В процессе этой работы стало ясно, что он являлся «самым видным государственным мужем в Народном Совете Абхазии». Были представлены два проекта конституции, один грузинских меньшевиков, другой – группы Чанба за авторством Демьянова. В грузинском проекте никаких автономных прав вообще не было. Демьянов, как «превосходный юрист», сразу оставил в тени меньшевистских юристов. Проект конституции, представленный оппозицией, как и сам Демьянов, не устраивали грузинские власти, и они, по словам Мартина, «как оккупанты в Абхазии»¹, решили избавиться от этой сильной личности.

По свидетельству Е.Б. Рафальской, дочери сухумского адвоката и политического деятеля Б.Н. Захарова (племянник Германа Лопатина) известно, что в этот период в Абхазии находились многие видные деятели Временного правительства. Так, к Демьянову приезжал бывший министр юстиции России П.Н. Переверзев. Здесь же, в Сухуме, жили и работали какое-то время, отказавшийся от должности морского министра Н.В. Савич и известный представитель Временного правительства Г.Д. Эристов (он же Сидамонов-Эристов, председатель Сухумского окружного суда в 1919 г., в дальнейшем посол Грузинской

¹ АГМ. Ф.3. ОП.1. Д.89. Л.47.

республики в Польше). Все они потом оказались в эмиграции, в европейских странах. Объединяло их еще одно немаловажное обстоятельство – почти все они были адвокатами и вместе с их коллегой А.Ф. Керенским с 1906–1907 гг. состояли в Петербурге в одной масонской ложе.

Каким же ветром занесло Демьянова в Абхазию?

В Сухуме давно жил и практиковал врач Николай Григорьевич Рукин, а его дочь Вера Николаевна была замужем за братом знаменитого эсера Бориса Савинкова – Виктором. В 1910 г. у них родился в Сухуме сын Николай Савинков. Однако брак был недолгим и перед Первой мировой войной они расстались. Вера Николаевна Рукина, красавица и юрист по образованию, вскоре вышла замуж в Петербурге за Александра Демьянова. В январе 1918 г. они все вместе (с сыном Николаем Савинковым) приехали в Сухум в дом доктора Рукина. После установления советской власти в Абхазии Н.Г. Рукин обосновался в далеком Каире. В 1922 г. его дочь с сыном уехали к отцу, однако не получив разрешение на въезд в страну, направились в Берлин, а в 1924 г. – в Прагу¹, где в это время жил А. Демьянов...

Осенью 1919 г. грузинские власти расправились с негодным Демьяновым, а 18 ноября 1919 г. он был исклю-

¹ Лакоба Станислав. Август Мартин и эстонские материалы о событиях в Абхазии (1917 – 1921 гг.). // Диалог времен. Альманах. № 2. Сухум.2018. С.168 – 178.

чен из состава Народного Совета Абхазии¹, арестован через несколько дней и выслан в Тифлис. По этому поводу Август Мартин пишет: «Депутата с его неприкосновенностью личности могли арестовать и выслать только попирая закон. Сам Демьянов до своего ареста говорил, что его называют деникинцем, кем он никогда не был. Он будто где-то сказал, что лично знает Деникина и считает его честным человеком»².

В ноябре – декабре 1919 г. Демьянов перебрался из Тифлиса в Баку, а потом в Батум, откуда обратился в Берлин к известному издателю «Архива Русской революции» И.В. Гессену с просьбой об издании его записок «Моя служба при Временном Правительстве».

Демьянов рассказывал, что в 1917 г. его посетил в Петрограде А.И. Чхенкели, который предложил ему стать представителем Временного правительства на Кавказе. Но все договоренности о работе в Тифлисе рухнули с приходом большевиков в России. Теперь путь лежал в Сухум.

«История эта поучительна вот в каком отношении, – отмечал А. Демьянов. – Грузия провозгласила себя автономной; когда же я в Народном Совете Абхазии, куда был избран абхазской национальной группой (в состав входила и крайняя левая партия), отстаивал существующую автономию Абхазии, грузинские власти эту автономию

¹ Наше слово. 1919. 20 ноября; Ходжаа Р. Абхазский Народный Совет. 1917–1920 гг. Документы и материалы. Сухум. 2007. С.254 – 259.

² Мартин А. Мои воспоминания... Л.56 – 57.

свели на нет; игнорируя прежние свои договоры с Абхазией, меня признали врагом Грузии и засадили в тюрьму. В Абхазском Совете представитель Грузии первоудмец Ис. Ив. Рамишвили, В. Джугели не стеснялись никакой клеветы в отношении меня; называли меня монархистом; новоявленным мартовским социалистом; говорили, что я получаю деньги от ген.Деникина и прочее. Им не было дела до моего честного прошлого...»¹.

♦ ♦ ♦

Несмотря на то, что в этом году исполняется 100 лет как были написаны воспоминания А.А. Демьянова «В Абхазии и Грузинской социалистической Республике», они не утратили своей актуальности и каким-то мистическим образом перекликаются с современными политическими процессами и напоминают характерные черты грузино-абхазских отношений новейшего времени.

Очень многое из того, о чем критически пишет автор, вполне соответствует сложности и непониманию сторон сегодняшнего дня. Демьянов дает четкие и правдивые оценки ошибочной политике, проводимой Грузинской республикой в отношении Абхазии и ее народа в 1918–1921 гг.; приводит интересные факты ущемления и подавления прав не только коренного абхазского населения; критикует политику вытеснения русского языка в Абхазии; не приемлет церковные преобразования, захват грузинской церковью Сухумского кафедрального собора; находится

¹ Архив Русской революции. Т.IV. Берлин. 1922. С.119.

в самом центре военно-политических событий, является их очевидцем, участником, а порой и... арестантом.

Он хорошо знал политическую палитру Грузии. Со многими социалистическими вождями сотрудничал еще в Петербурге – Петрограде. Дает развернутые политические портреты лидеров Грузинской республики – И. Церетели, Н. Чхеидзе, А. Чхенкели, Н. Рамишвили, Н. Жордания, Е. Гегечкори и др. Острых негативных оценок заслужили и члены грузинской меньшевистской партии в Абхазии – Варлам Шервашидзе, Арзакан (Дмитрий) и Владимир Эмухвари, Исидор Рамишвили, Вениамин Чхиквишвили, Дмитрий Захаров, Лев Тумаркин, Михаил Убирия...

В то же время он выделяет известных абхазов, которые отстаивали интересы своей страны. К ним относились такие личности как Владимир Шервашидзе (Чачба) и его старший брат, художник Александр Шервашидзе, высланные из Абхазии грузинской администрацией. Многие абхазские депутаты были заключены в Тифлисе, в Метехский замок, в наказание за то, что 9–10 октября 1918 г. большинством голосов поддержали кандидатуру Владимира Шервашидзе (Чачба) на пост председателя Абхазского Народного Совета, выразив недоверие прогрузинскому председателю Варламу Шервашидзе. В сукхумской газете «Наше слово» о нем говорилось: «Люди не пользующиеся ни доверием, ни уважением народа, не могут править страной»¹.

¹ Наше слово. 1918. 11, 12, 14 октября.

Развернутые психологически тонкие характеристики Александр Демьянов дает Александру Григорьевичу Шервашидзе, Таташу Маршания, Рафаилу Чхотуа, а также депутатам Абхазского Народного Совета Раждену Какубава (Какуба), Георгию Туманову, Георгию Аджамову... Интересна информация и по Нестору Лакоба, который был в списке кандидатов в депутаты по выборам в третий Абхазский Народный Совет (март 1919 г.), но его исключили по требованию грузинских властей.

Александр Алексеевич Демьянов был личностью незаурядной, обладал острым пронизательным умом, открыто высказывал собственное мнение и умело отстаивал свои позиции. Его записки безусловно являются бесценным свидетельством тех переломных событий, которые сопровождались общественными и геополитическими потрясениями в Закавказье после распада Российской империи. Эти тектонические сдвиги не могли обойти стороной Абхазию и Грузию, которые представляли собой новые государственные образования или, как называет их автор, лимитрофные (пограничные) государства. В 1918–1921 гг. русское Закавказье привлекло внимание новых политических игроков (Германия, Турция, Англия, Франция, Италия, США), которые стремились взять под контроль богатые сырьевые ресурсы региона – бакинскую нефть, грузинский марганец, абхазский табак, а также транспортные железнодорожные (Баку – Батум), шоссейные и морские (порты Поти, Батум) коммуникации.

Записки А. Демьянова – не только о прошлом, но и настоящем, а, возможно, – и ближайшем будущем. В этом непреходящая ценность уникальной по своей значимости рукописи, находившейся в забвении ровно 100 лет.

Неоценимую помощь в этом издании оказали директор Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) Роговая Лариса Александровна, ведущие специалисты ГАРФа Сафронова Ольга Николаевна, Строкина Алена Юрьевна, а также научный сотрудник Абхазского института гуманитарных исследований (АБИГИ) Алексей Дбар и публицист из Греции Георгиос Григориadis, за что выражаю им искреннюю признательность.

Издание воспоминаний стало возможным благодаря молодым исследователям Милане Бжания и Анастасии Князевой, которые опубликовали в 2019 г. отрывок рукописи А.А. Демьянова. Они побудили меня расшифровать весь текст (142 листа) и подготовить его к изданию, в связи с чем, выражаю им свою благодарность.

Станислав Лакоба,
кандидат исторических наук, профессор

В АБХАЗИИ И ГРУЗИНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Предлагаемые мною записки передают лишь то, что проходило перед моими глазами и что, мне казалось, не должно быть забытым в истории русской революции. Записки охватывают время приблизительно с января 1918 г. по март 1921 года, когда я выехал из Батума в Константинополь. Записки неполны и бессистемны. На них не следует смотреть, как на книгу о Грузии и Абхазии, которая претендовала бы на полноту изложения всего того, что касается так или иначе этих двух русских окраинных государственных образований. Такой задачи я на себя не брал, да и не мог брать, не имея на руках материалов и излагал события только по памяти. Вместе с тем воспоминания мои не являются описанием только того, что должен был видеть и перечувствовать русский, заброшенный нечаянно в Закавказье. Для Кавказа я не совсем стороннее лицо: капризная судьба заставила меня принять участие в политической жизни Абхазии в качестве ее полномочного представителя в местном парламенте – в Народном

Совете Абхазии. Однако вопросы чисто местного характера, относящиеся специально к Абхазии, затронуты в моих записках все-таки только отчасти.

Еще одно замечание. Может быть, меня упрекнут, что я отнесся с излишней суровостью к тому, чему был свидетелем; но я не хотел отступать от правды, как я ее понимал. У меня не было отрицательного отношения к вопросу о том, чтобы в России на ее окраинах образовались независимые в политическом отношении государства – государства лимитрофные. Не осуждал я за такое стремление и Грузию, но я не видел, чтобы полная ее обособленность от России была в ее же интересах. Я принимал «обособленность» Грузии, как неизбежный исторический процесс, но в долговечность этого исторического явления я не верил. Поэтому бессмысленно было в официальном порядке называть меня «врагом Грузии», сажать за это в тюрьму и выслать, наконец, за пределы Грузии. Я утверждаю, что весьма многие из тех, кто называл меня врагом Грузии, хорошо знали, какую неправду они на меня возводят. Неправды было много в Грузии и этого не замолчишь.

А. Демьянов
Константинополь 1921 г.

В Новочеркасске, проездом из Петербурга в Сухум, я пробыл не больше двух дней. В Ростове с величайшим трудом попал на поезд, отправлявшийся во Владикавказ.

В купе второго класса, где я нашёл место, набралось человек двенадцать самой смешанной публики – дам и мужчин, в том числе какой-то огромного роста солдат грузин. Держал себя этот солдат чрезвычайно развязно; но после одного наглого приема – он разлегся на диване за спинами пассажиров – я накричал на него, после чего он всю дорогу старался так или иначе быть для всех приятным пассажиром.

До Армавира я доехал по своему свидетельству на имя товарища министра юстиции – бесплатно. Но от Армавира до Туапсе я взял билет, так как Туапсе находился уже в руках большевиков и было рискованно ехать по моему министерскому свидетельству. Не доезжая до Туапсе, поезд был остановлен в пути для ревизии. В наш вагон вошло двое солдат большевиков и просили приготовить вещи для осмотра. По правде говоря такой ревизии я не предусмотрел. По времени – наивность совершенно простительная. У меня в кармане была кроме указанного выше свидетельства, еще копия моего письма на имя С.Н. Прокоповича, в котором я писал ему о результатах своего свидания с ген. Калединым. Я спрятал обе бумаги почти на глазах у большевиков под сиденье и стал с внешним спокойствием ожидать осмотра вещей. Большевики старательно потрошили сидевшего рядом со мною армянина. В публике затем говорили, что большевики искали у него оружие. Покончив с армянином, старший из ревизовавших солдат, посмотрев в мою сторону, ска-

зал – «у Вас, товарищ (может быть сказал и «господин») обыск производить не станем». Для меня так и осталось неразгаданной тайна такого благоволения ко мне. Слова солдата я принял, как нечто для меня безразличное, как будто произошло именно то, что иначе и произойти не могло. По уходе солдата я извлек из-под сиденья спрятанные там бумаги и положил их снова в карман. В Туапсе меня встретила ожидавшая меня там жена. Устроиться на ночь в Туапсе оказалось столь же трудным, как и в Новочеркасске. На другой день мы поехали в Сочи по железной дороге, по которой ходили пока только какие-то пробные, рабочие поезда. Начальник поезда поручик Матрос-Белый (?), ехал в вагоне, куда и нас посадил. Большинство же пассажиров ехало на вагонных платформах. Платформы уже были битком набиты публикой. В числе пассажиров было больше всего «плебса» или «товарищей», которые себя и показали. Ехали мы в пробном поезде конечно очень тихо и не могли приехать в Сочи засветло. Машинист, крайне к тому же усталый, заявил, что в темноте ехать опасно – путь не в порядке. Но «товарищи» сказали – поезжай. Это был приказ, которого машинист послушаться побоялся. Поехали в темноте и уже ночью, подъезжая к Сочи, наш вагон с начальством сошел с рельс. Место было очень неприятное: остановились мы на краю обрыва над морем. А дальше было еще хуже – рельсы и пути оказались снятыми неизвестно кем. Катастрофа могла закончиться

плачевно. Поезду пришлось заночевать, а утром в Сочи отправиться пешком. В Сочи для дальнейшего следования мы наняли экипаж – линейку. «Вояж наш был не без неприятностей». Во-первых, погода была скверная; было холодно, грязно и шел дождь; во-вторых, ехавшие с нами попутчики мой товарищ по гимназии Поплавский и Петербургский Присяжный Поверенный Сидамонов-Эристов не учуяли веяний времени: они в дороге дважды пытались аргументировать свои справедливые требования по отношению к возчикам и содержателям тракторов возвышением голоса. Этот номер не прошёл и создал довольно неприятные осложнения. Умиротворять ссору пришлось мне. Все слава Богу окончилось благополучно, хотя в одном случае нам грозило остаться без лошадей, а в другой раз без еды.

♦ ♦ ♦

Сухум – мой конечный путь. Я бывал уже раньше в Сухуме и очень люблю этот милый уголок; несравнимый, если бы не бич его – жестокая лихорадка. Природа в нем ликующая. Я стал жить в Сухуме всяческими ожиданиями. В смысле этих ожиданий, нужно знать, что я в числе многих и даже огромного их числа, показал себя легкомысленным в последней степени. Достаточно сказать, что уезжая из Петербурга, я оставил некоторую часть денег (правда гроши, но которые имели для меня значение) в банке, рассчитывая вернуться в Петербург, укрощенный

конечно, месяца через полтора; не взял достаточно белья и одежды. В свое оправдание скажу, что никто не ждал тогда, даже сами большевики, как они развернутся. Ожидания мои в конкретном виде заключались в том, что я буду вновь в Петербурге и что буду продолжать свою службу во Временном Правительстве.

♦ ♦ ♦

Сухуму, стоящему в стороне от всех военных путей не пришлось переживать нашествия возвращавшихся с Кавказского фронта войск. Этой крупной невзгоды он избежал, как избежал его весь Сухумский округ, но избежать идей большевизма он, конечно, не мог. Политическая жизнь в Сухуме по своему кипела, хотя где-то в глубине. Во вне же жители, которые в политике не принимали участия, продолжали существовать по старому. Правда, кругом все дорожало, но никого это не приводило в удивление и считалось в порядке вещей. Но там где была политика – была борьба с торжеством то одного, то другого политического течения. Большевики дважды брали верх в Сухуме, но долго в нем не удерживались. Однако эта борьба не доходила до кровопролития, пока было не коснулось борьбы, в которой приняли участие воинские силы враждующих сторон. Да и в этом случае особых эксцессов не было, кроме отдельных случаев. Всегда слабый уступал сильному. В этом в сущности и заключалась борьба. Событий связанных с

пребыванием в Сухуме большевиков¹, хотя я и был их свидетелем, я не описываю. Происходило то, что было и в других частях России. Отмечу только, что ужасов большевистского режима при мне Абхазия не испытала. Главное действовали в Абхазии пока местные большевики; большевики «ручные», а не приезжие специалисты из России. Избавили Абхазию от большевиков грузинские войска. Войска эти были встречены абхазским народом с искренней приязнью². Но чувство это скоро заменилось другим – полной ненавистью к ним. В этом оказались виновны сами грузины. Они почуяли в себе хозяев независимой, точно ими завоеванной, Абхазии.

♦ ♦ ♦

Живя в Сухуме я мало присматривался к тому, что делалось кругом в политическом отношении. Я знал, что в Сухуме действует какой то Абхазский Народный Совет, но что он делал, я мало интересовался. На обывательской жизни г. Сухума деятельность Совета пока совсем почти не отражалась. Жили старыми порядками и при старых учреждениях. Но, в политику я все же попал помимо своей воли и вот как это случилось.

¹ В 1918 г. были две попытки установления советской власти: 16 – 21 февраля (в Сухуме) и 8 апреля – 17 мая.

² Имеется в виду Красная гвардия Закавказской Республики во главе с В. Джугели, которую кодорцы встретили сначала доброжелательно.

Главным предметом торговли Сухума и богатства Абхазии является его знаменитый табак. Сухум живет табаками и в Сухуме много табачников и очень богатых. На торговлю табаком и на самые табаки наложило своё veto грузинское правительство, которое запродало его без ведома Абхазского Совета немцам. Абхазский Совет не остался равнодушным к нарушению, как он понимал, его прав, тем более, что на складах в Сухуме было табаков на несколько миллионов рублей по ценам старого времени.

Во главе Абхазского Народного Совета в это время был кн. Вл. Конст. Шервашидзе, намеченный в председатели Совета и который должен был заменить в этой должности дальнего своего родственника докт. Варл. Шервашидзе, ярого грузинофила и принадлежащего к партийной группировке не имевшей большинства в Совете. Когда возник вопрос о табаке, кн. Вл. Шервашидзе пожелал выслушать заключение юриста по поводу того, как нужно отнестись к этому вопросу с точки зрения толкования договоров, определявших взаимные отношения Грузии и Абхазии. По этому поводу он и обратился ко мне, как присяжному поверенному. Князя Шервашидзе Владимир и брат его известный художник Александр Константинович только во время революции приехали в Абхазию. Мудрое русское императорское правительство не пускало их в Абхазию, как потомков владетельных ее князей, хотя в то же время оба брата состояли у него на службе: старший художник в качестве декоратора Импе-

раторских театров, а младший в качестве провинциального чиновника Министерства Внутренних Дел.

Вл. К. Шервашидзе принес мне для ознакомления копии двух договоров¹, заключенных между Грузией и Абхазией по поводу их взаимоотношений. Я впервые тогда узнал, что таковые вообще существуют. Шервашидзе попросил меня на основании этих договоров дать заключение по вопросу о том, в праве ли Грузия распоряжаться абхазскими табаками. Не могу сказать, чтобы я приступил к данной мне работе безразлично. Впервые мне пришлось натолкнуться на факт, что Россия уже не целостна, что она уже раздробляется. Это раздробление было, правда, пока только на бумаге, ибо фактически оно ни в чем еще не ощущалось. В сознание местных граждан это раздробление не проникало, да и вряд ли могло найти в населении сочувствие. Но все же в Грузии и Абхазии юридически оно было оформлено в особых актах, а выводы из этого факта делали уже власть имущие представители окраинных государств. Отнесся я к вопросу о договорах так: исторические события данного момента толкнули окраины России на признание ими своей политической независимости; факта этого не признать нельзя. Дальнейшее существование независимости окраин всецело должно зависеть от политики центральной России. Центральная Россия в ее будущем демократическом строительстве

¹ Речь о Соглашении от 9 февраля 1918 г. и Договоре от 8 – 11 июня 1918 г.

не может отрицать прав народностей, населяющих Россию, на самоопределение.

Таков был лозунг революции, которому я вполне сочувствовал. В будущем мне определенно рисовался республиканский федеративный строй России. Далее, отторжение окраин от большевистской России вполне было объяснимо, и, как я полагал тогда, и как полагаю до сих пор, – в прямых интересах населения окраин и безразлично для России при большевиках. Так я думал и почему не считал для себя грехом участвовать в данной мне работе.

Документы мне представленные были по характеру своему самые примитивные с точки зрения их содержания, несколько даже наивные в своем изложении, но сущность свою они определяли ясно: Абхазия по договорам являлась совершенно независимой от Грузии политически и экономически. Однако кой в чем Абхазия уступала Грузии, а именно: сношения с иностранными державами возлагались на Грузию, которая в этом отношении представляла собой и Абхазию. Но это представительство было только внешним: ни один вопрос внешней политики, касавшийся интересов Абхазии, не мог быть решен без одобрения его представителями от Абхазии. Юридически вопрос о табаках разрешался таким образом просто – Грузия не имела решительно никакого права распоряжаться табаками Абхазии, что я и высказал Вл.К. Шервашидзе с совершенной определенностью. Однако практически вопрос оставался открытым – табак

все же оставался под запретом и фактическом распоряжении грузинских чиновников и запродавшим немцам. Нужно было до чего-нибудь договориться и с немцами и Грузией. Вл. К. Ш. заявил мне, что Абхазский Народный Совет для переговоров с грузинским правительством избрал делегацию в составе членов Совета его Григ. Алания¹ и Туманова, бывшего священника в Гагре, находившегося в то время в Тифлисе, абхазца очень энергичного и умного человека, несомненного патриота, но не во всех кругах пользовавшегося доверием. Он погиб² впоследствии уже после падения Грузии при катастрофе с автомобилем, в котором ехал. Сообщая мне о выборе делегации кн.Шервашидзе предложил мне ехать с ней в Тифлис в качестве ее юрис-консульта. Я охотно согласился.

Летом Тифлис – страшно жаркий, душный город. Я приехал в Сухум только в зимнем платье. На лето я достал себе чесучовую рубашку и в ней щеголял; другого костюма летнего у меня не было, а купить новый уже не было средств; даже ремешка подпоясаться не было настоящего; подпоясывался простой веревкой и старался, чтобы этого не заметили. В таком виде везде появлялся в Тифлисе и даже в Совете Министров Грузии. Туманов тоже ходил в рубашке, что не мешало ему быть франтовато одетым. Никто однако не обращал внимания, как одета делегация и правильно поступали. Новое время приучило ко

¹ Имеется в виду Дмитрий Алания.

² Г.Д. Туманов на самом деле погиб в 1920 г.

всякого рода костюмам. Зато представители грузинской власти почти все были одеты с иголочки, имели настоящий европейский вид и видом своим красовались. Этот щегольской вид был тем внешним оказательством, который должен был, как я понимал, импонировать немцам и представителям других европейских держав – смотрите мы тоже настоящие европейцы. Забота о костюме у властвующих грузин была явная.

Депутации пришлось делать визиты властям, в каких принимал в иных случаях участие и я. Помимо всего, я почти со всеми представителями высшей власти Грузии был знаком еще по Петербургу, хотя впервые мне пришлось познакомиться с председателем совета министров Жордания, министром внутренних дел Ноем Рамишвили и перводумщиком Исидором Рамишвили. Тогда же я познакомился в грузинском кабинете и с министром по делам Абхазии абхазцем кн. Чхотуа, молодым сравнительно человеком и, если не ошибаюсь, полковником русской службы. Кн. Чхотуа был официальным представителем Абхазии при грузинском правительстве по назначению Абхазского Народного Совета. Он был представителем Абхазии и одновременно по служебному своему положению пользовался всеми правами министра Грузинской Республики. И жалованье свое он тоже получал, насколько я знаю, непосредственно из грузинского казначейства. Впрочем Абхазия своих денежных знаков, да и вообще денежных средств не имела и Грузия должна была ими снабжать ее.

Свидание мое с представителями грузинской власти с несомненностью установило, что большинство этих представителей, в том числе и Министр Внутренних Дел Рамишвили, очень мало были знакомы с положением Абхазского вопроса т.е. не знали не только содержание взаимных договоров Абхазии и Грузии, но некоторые из них [незнакомы] даже с их существованием. Таково было мое впечатление. Я взял на себя переговорить по поводу этих договоров с Ир. Церетели, который не занимал официального положения при грузинской власти, но в качестве члена грузинского парламента, председателя социал демократической в ней фракции и вообще, как личность, играл огромную роль в жизни Грузии, не меньшую чем в России. Само собою разумеется добиться свидания с Церетели оказалось делом не легким – он был завален работой. Тем не менее все же удалось поговорить с ним мельком, познакомить его, конечно, вкратце, и на лету, с положением вопроса об Абхазии, дать ему копии договоров Грузии с Абхазией, попросить его ознакомиться с ними детально и свой взгляд изложить затем Ною Рамишвили. Церетели обещал все это сделать, сказав мне, что он будет обедать с Рамишвили и воспользуется этим временем – другого найти невозможно – чтобы познакомить последнего с положением дела. Церетели сдержал свое обещание. В происшедшем затем в тот же день первом совещании министров, в чрезвычайно многолюдном заседании Совета Мини-

стров, куда были приглашены многие члены парламента (был приглашен и я) Ной Рамишвили был почти одним знающим, как следует, содержание договоров Абхазии и Грузии и на недоуменные вопросы некоторых членов заседания, полагавших, что Абхазия – провинция Грузии, пояснил, что Абхазия самостоятельное, независимое от Грузии государственное образование. Он открыто тогда признал ее самостоятельность, что не помешало ему впоследствии сделать все от него зависящее, чтобы эту самостоятельность ее свести на нет, пренебрегал писанным законом, что неизменно делал во всех случаях, когда находил, что ему закон мешает.

В этом заседании Совета Министров я услышал грозные ноты по отношению к Абхазии. По вопросу, что представляет из себя Абхазия по отношению к Грузии, говорили двое ораторов: первый – министр земледелия Хомерики, который, как мне помнится, делал свой доклад со слов лица, ездившего по его поручению в Абхазию. Речь его заключалась в том, что Абхазия относится к Грузии враждебно. Вторую речь произнес Ис.Рамишвили. Его речь была построена на том, что все показывает, что Абхазия явно настроена туркофильски. Мне казалось тогда – люди говорят пустяки, говорят неправду, имеющие мало практического смысла; речи ни к чему. Такая оценка моя была верна, потому что в Абхазии туркофильства «политического» абсолютно не было; и ошибочна, потому что из отношения фальшивого по свойству своему,

сделали затем *casus belli*¹. Я знал Исидора Рамишвили со слов других лиц и со слов Н.Д. Соколова, высоко ставившего Рамишвили, как грузинского патриота; знал за прекрасного по отзывам человека. Поэтому, когда я слушал речь Рамишвили (очень хорошего оратора) с его злыми нападками на Абхазию и ее деятелей, которых он однако по именам не называл, я был в уверенности, что Ис.Ив. Рамишвили просто ошибается, что стоит ему понять свою ошибку, как все будет хорошо. Я не знал тогда эту, по выражению Н.Д. Соколова, «икону» Грузии; не знал, какой это демагог и какого образца он вследствие этого политический деятель. Нужно было забыть, что он был депутатом первой Думы, что он вел себя честно и мужественно в Выборгском процессе², нужно было понять, что теперь, очевидно, настало время, когда даже внешняя честность вредна и когда для пользы отечества можно делать все, что угодно, если это нужно для текущих его интересов. В этом последнем отношении Ис.Рамишвили был несомненным патриотом, но вредным по непониманию того, в чем должен заключаться истинный интерес каждого государства. Я не могу указать ни одного факта, чтобы Ис. Рамишвили действовал когда-либо к личной своей выгоде. С ним, по совести говоря, вовсе не следовало тогда в Тифлисе церемониться, а надо было

¹ Формальный повод для объявления войны.

² Речь идет о разгоне I Государственной Думы в 1906 г. и преследовании депутатов, подписавших Выборгское воззвание.

сейчас же вступить в бой. Но при возражении на его речь Вл.К. Шервашидзе взял ту ноту, которую и я взял бы на его месте, не зная еще Рамишвили, – что жаль де, что такой почтенный и прекрасный человек так легко принимает на веру все небылицы, направленные против Абхазии. А между тем эти небылицы дали затем Грузии повод вмешаться в дела Абхазии и слопать ее под соусом, что сами абхазцы пожелали быть скушанными. «Карась любит, чтобы его жарили в сметане» – чисто политическая поговорка.

По инициативе Министра Внут. Дел Ноя Рамишвили совет Министров решил составить особую комиссию для дальнейшей разработки вопросов о взаимоотношениях Грузии и Абхазии, при чем в основу переговоров должны были лечь уже существующие между ними договоры. Председателем этой комиссии был назначен Министр Юстиции Грузии, бывший присяжный поверенный, Алексеев-Месхиев (впоследствии именовавшийся кратко Месхишвили). В эту комиссию в частном порядке был приглашен и я. Нужно заметить, что прошло много времени после нашего приезда в Тифлис пока вопрос об Абхазии был поставлен на рассмотрение в Совете Министров. Почему – объяснить довольно трудно. Во всяком случае злого умысла тут не было. Просто с этим делом не торопились обе стороны. Но вот комиссия составлена. Так как вопрос все же был не особенно сложным, то приблизительно в три дня комиссия решила все

поставленные вопросы и осталось лишь оформить их в особом акте, что и взял на себя сделать председатель комиссии Алексеев-Месхиев. В основу проекта договора была положена политическая независимость Абхазии, а затем намечены те дела, которые должны были стать общими для Грузии и Абхазии, при чем Грузии, как более влиятельной и сильной, предоставлялось центральное заведование этими делами. К общим делам были отнесены – деньги, почта, таможня, Черноморская железная дорога и внешняя политика, однако с соблюдением условий прежних договоров. Выработка законоположений, касающихся этих общих дел предоставлялась взаимному согласию обоих государств. Вопрос о выработке этих законоположений был временно оставлен открытым. Был попутно решен и вопрос о табаке, запроданном грузинским правительством немцам. Решили его так: сделка с немцами остается в силе, но Грузия обязывалась уплатить Абхазии сумму, получаемую от немцев и сверх того, еще разницу в цене табака, если рыночная его стоимость превышает цену, данную немцам. Представители Абхазии на все это согласились и по поводу табака вели еще свои какие-то особые переговоры с немцами, от участия в которых я отвел себя. Можно было счесть нашу миссию почти законченной и притом законченной удачно. А за это время в Абхазии произошли важные внутренние события. Во-первых за наше отсутствие председателем Абхазского Народного Совета был заочно избран Вл. К.

Шервашидзе¹, о чем его телеграфно известили в Тифлисе, а во-вторых спустя несколько дней после этого стало известно, что группа членов Абхазского Народного Совета, недовольная этим избранием и вообще политикой Совета, образовала из себя, так называемую «инициативную группу» и при помощи милиции, которую перетянула на свою сторону, свергла новую власть и разогнала Совет. Грузия имела часть своих войск в Сухуме. Военный представитель Грузии (фамилии его не помню) приблизительно так уведомил свою центральную власть о событии – вооруженный абхазский народ, недовольный туркофильством Абхазского Народного Совета, разогнал его. Эта телеграмма пришла как раз накануне дня, когда должен был быть рассмотрен окончательный текст договора, выработанный Алексеевым-Месхиевым. Заседание Комиссии было отложено по инициативе Грузинского Правительства. Абхазская депутация очутилась в сложном положении. Я повидался с Церетели и высказал ему свой взгляд на происшедшее; объяснил, что считаю весь переворот интригой, что вообще переворот можно рассматривать, как смену лиц в исполнительном органе Абхазии, что это не должно отражаться на исходе переговоров уже начатых от имени Абхазского Народного Совета.

¹ Речь о событиях 15 августа 1918 г., когда АНС был разогнан по обвинению якобы в протурецких настроениях и поддержке десанта абхазских махаджиров из Турции (июнь – август 1918 г.).

Но Церетели указал мне, что в официальной телеграмме представителя грузинской власти в Абхазии говорилось о том, что власть свергнута вооруженным абхазским народом и что следовательно представители старой власти потеряли свои полномочия и уже не представители народа. Формально Церетели был, конечно, совершенно прав. Но я в вооруженный переворот что-то не особенно верил. Приходилось однако мириться с создавшимся положением. Грузинское правительство не желало дальнейших переговоров. Нужно было, следовательно, уезжать. Представители Абхазии и я вернулись в Сухум.

В Сухуме я узнал следующее. Переворот совершен только тремя членами Совета, во главе которых стал доктор Варлам Шервашидзе, абхазец кн. Владимир Эмухвари, член Сухумского Окружного Суда, и помогал им грек докт. Пашалиди, именовавший себя прежде Пашалов. Все трое стали во главе «инициативной группы», которая взяла на себя задачу свергнуть вновь избранный президиум Абхазского Народного Совета. Без поддержки грузинской власти действовать они не могли. За этой поддержкой они и обратились. Фактически же переворот совершили шесть привезенных нарочно милиционеров из соседнего города Гудаут под предводительством своего начальника Луки Картозия. За это милиционеры получили мзду из сумм Абхазского Народного Совета в размере по 500 руб. на каждого. Картозия же получил ссуду «безвозвратную», конечно, в 15.000 руб. из тех же казен-

ных средств. Деньги были выданы новым президиумом Совета под расписку получивших. Все это было мною проверено впоследствии по Книгам. Старички абхазцы, сидевшие в Совете, народ все миролюбивый, отнесся к этому перевороту, хотя и отрицательно, но довольно, по-видимому, равнодушно. Они просто не хотели бороться с более сильными или вернее с более их дерзкими противниками, но, не желая иметь с ними дела, они решили разъехаться по домам. Совет опустел. Однако ж выходило так, что они как бы молчаливо, признали новую власть, т.е. попросту говоря, изменили старой и сделали это с легким сердцем.

Итак большинство членов Совета разъехались по своим деревням. В Совете остались приверженцы новой партии, всего человек семь, считая в их числе и президиум. Но дух новой власти в Абхазии сразу обнаружился – грузины очутились наверху и новые властители в Совете стали по отношению к ним в явно подчиненное положение. Делалось это открыто, а приехавший в Сухум Исид.Ив. Рамишвили стал первым лицом в Абхазии и ее главным государственным деятелем, закулисным, конечно. Абхазия действительно обратилась в провинцию Грузии.

Когда я вернулся из Тифлиса в Сухум, я решил написать статьи о политическом положении Абхазии для опубликования ее в одной из Тифлиских газет. Строгой цензуры тогда в Грузии еще не существовало, но она уже

нарождалась, а вскоре расцвела до форм весьма близких к большевикам.

Когда я написал свою статью, мне пришла в голову несчастная мысль показать ее Ис. Рамишвили. Руководствовался я тем соображением, что Рамишвили, как я думал, ошибается и не знает всей правды. Однако, до чтения ее я его все-таки запросил, интересуется ли он вообще моими взглядами на текущие события. Рамишвили выказал полную готовность выслушать меня. Так как он хорошенько не знает, кто я такой по своей политической физиономии, то я, чтобы уже не было никаких сомнений в моей личности, я отрекомендовался ему полностью, т.е. сказал ему, что я приятель Н.Д.Соколова, защитника по его Выборгскому процессу (а затем и защитника Ноя Жордания), что я принадлежу к трудовой народно-социалистической партии, что я был членом второй Государственной Думы и что наконец я служил во Временном Правительстве. Казалось бы довольно, чтобы объясняться со мною, даже в случае разногласия в дружелюбном тоне. Не тут-то было! Когда я закончил чтение моей статьи, он в упор спросил меня – зачем я ему читал её. Вопрос был более, чем странный. Но еще неожиданнее было продолжение беседы. «Вы, ясно, монархист! Я утверждаю, что Вы – монархист», сказал он. Это звучало дико, грубо и даже дерзко. Я ответил ему, что из уважения к его имени и летам, не отвечаю ему на его слова так, как он заслуживает. Далее Рамишвили заявил, что нынешний глава власти в

Абхазии «доктор Варл. Шервашидзе – святой человек и я напрасно выставляю его в черном свете». На это я ему ответил, что охотно все нападки свои на докт. Шервашидзе возьму обратно, если он докажет мне, что я ошибаюсь и что Варл. Шервашидзе честный политический деятель, но требую и обратного, чтобы он, Рамишвили, признал себя неправым, если будущее его убедит в том, что относительно личности В.Шервашидзе прав я, а не он.

Встреча с Рамишвили послужила началом моей особой карьеры в Грузии в качестве – монархиста, Деникинца, получающего от него за что-то большие деньги, врагом Грузии, новоявленным мартовским социалистом, контр-революционером и прочее в этом роде. И это все зараз!

Местные политические события, между тем, шли своим чередом. Старички, абхазцы, ушедшие из Абхазского Народного Совета на покой, не заслужили своим поступком одобрения своих односельчан. Односельчане покачали головами и на сходах постановили: «идите, отцы, обратно в Совет и послужите народу; новых же правителей изгоните». Так старичкам и пришлось сделать. Пришли и изгнали новых правителей, хотя и не без труда. Заседание совета было крайне бурным. Опять председателем был избран в Совет кн. Вл. К. Шервашидзе¹. Совет открыл заседание при новом председателе и постановил в пер-

¹ О событиях 9 – 10 октября 1918 г. и втором разгоне АНС.

вую очередь пригласить в состав Совета представителей от национальных меньшинств, т.е. от русских, эстонцев, греков, армян и евреев. Эти представители были немедленно избраны. От русского национального Совета были избраны я и присяжный поверенный Бор. Ник. Захаров (отличать от другого прис. пов. Захарова Дмит. Вас., человека с очень покладистой совестью). Но все оказалось ни к чему. Новых и старых членов Совета не пустили в обновленный Совет и сделали это только одни грузины, подстегнутые конечно Вар. Шервашидзе. Грузинское правительство в лице местной военной силы открыто заступилось за Варл. Шервашидзе и за его «инициативную группу». Грузинскими воинскими частями в Сухуме командовал тогда полковник Тухарели, действиями своими заслуживший одобрения в Тифлисе и выдвинувшийся благодаря им по службе. Совет был вновь разогнан уже настоящим *ex officio*¹ «вооруженным народом» в чистую и управление Абхазией перешло непосредственно в руки грузин. Варл. Шервашидзе, кн. Вл. Эмухвари и Пашалиди стусеивались, но продолжали действовать номинально.

Начались реформы. Как всегда в таких случаях водится, началом их послужили аресты. Полковник Тухарели согласно приказу из Тифлиса арестовал² Вл.К. Шервашидзе, его брата художника Александра Конст. (во время

¹ По долгу службы.

² Аресты были произведены после второго разгона парламента 10 октября 1918 г.

бурного заседания совета, крикнувшего из мест для публики что-то неприятное для Вар. Шервашидзе), Алания, студента Аджамова, почему-то присяжного поверенного Лукьянова, председателя Русского Национального Совета, других кой кого еще, а кстати и меня. Арест, как я сказал, был произведен по приказу из Тифлиса, но как стало доподлинно затем известно, указание лиц, которых подлежало арестовывать шло из Сухума: по телефону их сообщал кн. В. Шервашидзе. Понятно в число арестованных попал и художник Алекс. Шервашидзе.

Всех арестованных посадили в одно из помещений казарм на край города. Первую ночь пришлось спать на досках, на земляном полу. Хорошо, что в Сухуме погода была теплая; после построили для спанья особый помост. Собралась весьма разнообразная компания. Тут был и старый дореформенный полицейский служака, арестованный только за то, что новый председатель Совета пригласил его для охраны порядка в помещении Абхазского Совета. Служака был глубоко обижен арестом. Был один офицер, еще совершенно молодой человек, русский (мать абхазка), деникинец. Он бодро смотрел на будущее и был твердо уверен, что сумеет удрать из-под ареста. Удалось ли ему это – не знаю; но прощаясь с ним, я искренне желал ему успеха в этом предприятии. Был арестован какой-то еврей-американец, про которого в Сухуме ходило масса разнообразных слухов. Это был до чрезвычайности самоуверенный человек. Считал себя знатоком финансо-

вых вопросов и от того получавший приглашение работать в комиссиях Абхазского Народного Совета. Почему его арестовали, вероятно, не сумели бы объяснить и те, которые дали приказание об его аресте.

Пробыли мы в Сухуме взаперти, помнится, с неделю, а затем нас направили в Тифлис. Ехать по железной дороге под охраной вообще очень недурно: заботиться о местах не приходится, что имеет огромное значение, когда места в вагонах берутся с бою. Офицер нас сопровождавший был вежлив и почтителен, любил выпить; это развязывало ему язык для выражения нам своих теплых чувств. Но в Тифлисе произошло уже полнейшее безобразие в смысле отношения к нашим личностям. Почти целый день без всякого смысла нас водили из одного здания в другое за какими-то справками. Мы страшно устали и проголодались. Наконец мы попали в учреждение, ведущее разведками по делам о контрреволюции и по спекуляциям. Удивительно – у всех правительств новообразованных государств так повелось, что дела контрразведок всегда соединяются с делами о спекуляциях. Выходила из этого одна сплошная спекуляция... для заведующих этим отделом. И пользовались же они своим положением!

Наконец мы попали в тюрьму, знаменитый Метехский замок. Смотреть на него издали – зрелище превосходное, но сидеть в нем бр...! Счастье наше, что здание было толь-

ко что отремонтировано, было сравнительно чистым и к удивлению даже почти пустым. Сидели с нами по коридору большевики, а под нами в нижнем этаже грузинские дворяне-контрреволюционеры, и больше никого. Но клопов! Боже, сколько клопов!! Но этой стороной жизни теперь никого не удивишь, в особенности тех, кто сжился с вошью. Клопа хоть с собой не носишь, а вошь! Последней я пока еще не испытывал. Но зарекаться от нее не следует. Все возможно.

В учреждении, заведующим контрреволюционными русскими, т.е. спустя недели полторы после ареста мы впервые ознакомились с тем, за что нас арестовали. Оказалось, что мы готовили восстание – никак не меньше, т.е. совершили определенное уголовное преступление, за которое пока должны были отдать под суд, а во все не сажать в тюрьму в административном порядке. Конечно этим доводом мы воспользовались и потребовали над собою гласного суда. В этом направлении нами было подано соответствующее заявление, и само собою разумеется, зря. Это мы все хорошо знали, но сделали это для порядка. Нельзя же терпеть несправедливость и даже не пытаться протестовать. Ради соблюдения того же порядка я написал и другие заявления о том, что с задержанными поступали грубо и бесцеремонно, не дав им сразу по приезде кров в Тифлисе и вода их целый

день без толку до полного изнеможения от одного здания к другому.

С арестованными дворянами контрреволюционерами не пришлось познакомиться. Их дело раздували вовсю, но, само собою разумеется, все оказалось чистейшим пухом. Вскоре их выпустили. А уже до чего в Тифлисе о их деле кричали, как потом кричали и в Сухуме, когда арестовали деникинцев полковников Шатилова и Турчанинова.

Из тюрьмы меня выпустили дня через два или три после водворения в неё. Н.Д. Соколов взял меня на поруки. Вышел я из тюрьмы налегке, т.е. оставил в тюрьме свои вещи. За вещами пришел потом. Вспоминаю это вот по какому случаю. Мне нужно было передать составленный мною проект записки, котор[ую] должны были подать арестованные грузинскому правительству.

Я хотел передать эту записку помимо тюремного начальства, чтобы не создавать никому ненужных вопросов. Я попросил смотрителя тюрьмы пропустить меня к заключенным. Тот запротестовал – «не имею, дескать, права». Я на это промолчал и ждал, что будет дальше. Все тюремщики Метехского замка относились ко мне с заметной почтительностью; вероятно знали, что я когда-то управлял министерством юстиции, а следовательно ранее был в некотором роде их начальством. Бедный смотритель был очень озадачен моей просьбой; он смотрел на меня круглыми глазами и вдруг крикнул

– проведите г-на Демьянова к арестованным. Записку я передал, хоть впоследствии сидевшие в тюрьме ею не воспользовались, а написали свою, и как мне казалось, очень несолидную.

Итак я оказался на свободе, относительной, конечно, ибо выехать из Тифлиса в Сухум мне все-таки не было разрешено. Я впрочем об этом не хлопотал, но о том, что так вопрос этот решен в высших грузинских сферах, сообщил мне Н.Д. Соколов. Мне нужно было подумать о товарищах по заключению. Посоветовавшись с Н.Д. Соколовым, я решил посетить некоторых своих знакомых грузин из власти имущих и начать свои хлопоты. Между прочим я встретил одного знакомого по Петербургу грузина, некоего Топуридзе, члена грузинского парламента и председателя парламентской финансовой комиссии. Топуридзе тоже взял на себя заботу устроить мне нужные свидания. Были названы Ев.П. Гегечкори и Ир. Церетели. Свидание было устроено в квартире Гегечкори. Квартира его, впрочем, состояла всего лишь из одной большой хорошо обставленной комнаты в доме женского института, кажется, по тому времени уже реквизированную на нужды грузинского правительства. Присутствовали при заседании – Гегечкори, Церетели, Топуридзе, Н.Д. Соколов и я. Хозяин встретил нас очень любезно и даже гостеприимно. Началась беседа. Я отрицал всякое туркофильское движение в Абхазии. А так как история распри в Абхазском Народном Совете мне была хоро-

шо известна, то я мог подробно изложить то, что происходило в Абхазии, указав на источник всех распри. Абхазских грузинофилов я обрисовал не особенно лестно. Вывод мой был таков: узников надо было выпустить из тюрьмы немедленно и вернуть Вл. Шервашидзе и других к власти. Как «старорежимники» т.е. приверженцы старых навыков управления Гегечкори и Церетели сильно против этого запротестовали; они не могли допустить умаления, по их мнению, престижа власти, который видели в том, что все распоряжения последней должны быть отменены. Их же предложение сводилось к следующему: «Мы примем все меры к тому, и обещаем Вам это, что[бы] Шервашидзе и других арестованных выпустили из тюрьмы немедленно и отправили обратно в Сухум. Довольны ли Вы?». Во время беседы как Гегечкори, так в особенности Церетели стояли на том, что туркофильское политическое движение в Абхазии на самом деле существует. Я же твердо настаивал на правильности своего мнения. Церетели даже сердился. Он сказал: «Как Вы можете отрицать это обстоятельство? Вы только недавно в Абхазии и не могли хорошо ознакомиться с тем, что делается кругом Вас. Вы так думаете потому, что верите, что Вам говорят. Я уж с год, как возвратился на Кавказ, сам кавказец, и только теперь начинаю вполне разбираться в людях меня окружающих». Мне хотелось тогда сказать Церетели – плохо Вы, Церетели, разбираетесь в людях. Вы недавно сошлись с человеком, стали с ним на «ты»,

а этот господин, мне доподлинно известно, как лицо, не церемонящееся с чужими деньгами, в чем мне пришлось лично убедиться и не оставлять этого в секрете.

Мы стали расходиться. Я несколько замешкался в комнате Гегечкори, когда услышал в передней взрыв хохота. Мне тут же объяснили – Церетели, очевидно, все еще недовольный спором со мной, выразился про меня так: «Демьянов тогда поймет, что не ошибается, когда турки посадят его на кол». <...>

Результат беседы: арестованные просидели в Метехской тюрьме после беседы, не помню точно сколько времени, но побольше месяца. И выпускать их стали не всех зараз, а по одному. Я несколько не сомневался, да и теперь не сомневаюсь, что Гегечкори и в особенности Церетели добросовестно пытались повлиять на освобождение заключенных, но они оказались бессильными перед Ноем Рамишвили, перед этим явным охранником в душе и его вдохновителем хитрым и властным Ноем Жордания.

Ной Рамишвили – человек с большим характером. Он никогда не боялся действовать и в этом отношении выгодно отличался от всех других окружавших его лиц. Он очень энергичен и трудоспособен. Но он – человек без традиций и потому по характеру своему близко подходит к большевикам. Конечно, очень неглупый. Как оратор всегда стремится уязвить своего противника. Он почему-то считает себя литератором, т.е. газетным публицистом, что не помешало ему бороться до пределов невозможно-

го со свободой печати. Где он работал, как публицист, я не знаю. Он весьма мало образован, не имеет государственного ума и государственной и никакой другой политической программы. Политик текущего дня. Человек без опыта в прошлом. Максимум, да и то вряд-ли, – партийный начетчик. Отчаянный антагонист всякого закона. Если мешает закон – к черту его! Он никогда не заботился о том, чтобы негодный закон заменить другим, годным. Он просто игнорирует мешающий ему закон. А так как Ной Рамишвили был властью и при том очень влиятельной, то можно представить, что из этого вышло! «У нас с Ноем Рамишвили не может быть общего языка», – сказал мне старший председатель Тифлисской Судебной Палаты милейший Мелиев. «Мы» в словах его значило – те, кто желает стоять на почве закона. Ной Рамишвили благодаря все тому же своему характеру, не боялся, надо сказать к чести своей, и большевиков, и также грубо поступал с ними, как и с остальными, попавшими ему в руки. Вообще про Ноя Рамишвили можно сказать, что это была дурно направленная мортира. В политических делах Ной Рамишвили стоял, разумеется, всегда на той стороне, на которой лозунгом было, применяясь к русским выражениям, – «знай наших», «шапками закидаем». Он всегда, конечно, за применение силы, за войну, за резкость требований, за вмешательство в чужие дела... Таким я его понимал. Вред Грузии Н.Рамишвили принес, на мой взгляд, неисчислимый. Своего отрица-

тельного отношения к этому грузинскому политическому деятелю я ни перед кем и никогда не скрывал. Он вероятно это знал.

Скажу несколько слов и о других политических деятелях Грузии.

Иракий Церетели сыграл слишком большую роль в России, чтобы не остановиться на характерных этой, выходящей из ряда вон, личности. Ир. Церетели я знал еще по 2-ой Государственной Думе. Он пользовался тогда величайшим обаянием; все его любили и все относились к нему с уважением. Даже правые относились к нему с уважением. Он и внешне чрезвычайно привлекательный. Голос его приятен по тембру, а легкий кавказский акцент как-то царапает его правильную русскую речь. Со времен 2-й Госуд. Думы он внешне значительно изменился; лицо его приобрело оттенок какого-то страдания. Оратор он первоклассный. Говорит он всегда искренне и увлекательно, содержательно. Речь его льется свободно. Попусту на думскую кафедру он никогда не выходил. А когда говорил, глаза его горели священным огнем. Искренность его была несомненна. И как было ей не верить?! Он доказал впоследствии свою приверженность идеям, когда после осуждения на поселение в Сибирь по делу о военном заговоре, созданном провокаторами старой власти, он мог легко скрыться, но не сделал этого из принципа и в то время, когда был серьезно болен. У него тогда же было начало чахотки и ссылка в Сибирь ничего хорошего ему

не предвещала. Мне казалось – как не дорожить таким государственным деятелем! Будь Церетели, думал я, где-либо за границей – его бы на руках носили, дорожили бы им, ухаживали бы за ним, как за ставленником. Мне он представлялся бриллиантом среди других малоценных камней. Церетели никогда не знал, какими моими симпатиями он пользовался. Само собою разумеется тот день, когда я узнал, что Церетели на свободе, был для меня днем радости.

Теперь в Церетели многие кидают камнями. Здесь я не считаю возможным говорить о политике Церетели в России. Предмет слишком сложный. Не все в ней я считаю правильным, но ни в чем обвинять его не могу. Ему ставили в вину его участие в политике Грузии, в основу которой положено, якобы, отделение Грузии от России. Однако Церетели никогда не относился отрицательно и недоброжелательно к России. Я ни разу не слышал, да, думаю, и другие никто не слышали, чтобы Церетели дурно или с пренебрежением отозвался о России. Его деятельность в Грузии имеет свое объяснение. Церетели, если не реальный политик, то очень стремится быть им. Он, например, знает, что без сильной власти нельзя делать политики. Я допускаю, что такое заключение он вынес из короткой и неудачной по своим последствиям политической деятельности в России Временного Правительства. Это вполне возможно. Поэтому Церетели в своей практической деятельности в Грузии, как я ее понимал, стал

делать все, чтобы поддержать в ней существующую правительственную власть. Поступал он так и в России при Временном Правительстве, когда стоял одним из руководителей Совета рабочих и солдатских депутатов. Само собою разумеется он мог поддерживать только власть революционную, ибо старая власть была для него и для народа, как он понимал интересы последнего, не властью, а вражеской силой. Но здесь же и его огромная ошибка – он не видел иногда грехов новой власти даже тогда, когда она делалась игом народа. В особенности это относится к его деятельности в Грузии. Он, казалось, не замечал, что существующая власть лучше только в потенции своей, а в действительности на обывательской шее отражается, пожалуй, потяжелее прежней. Положение народа в Грузии при грузинской социалистической власти оказалось таким: новой власти народ должен был почему-то верить, что от нее произойдет непременно только одно благо, а пока что народ должен был этого момента ждать и терпеть все, чтобы она в данный момент ни делала. Вина Церетели, что у себя в Грузии он без достаточного разбора поддерживал власть в ущерб идей, которым он поклонялся и незыблемость которых нужно было охранять, как огонь в светильниках. Этот огонь теперь везде без жалости заливают, как никому не нужный.<...> Вина Церетели в том, что он открыто не боролся против всех безобразий, творимых в Грузии, хотя я уверен, что среди своих он протестовал против них; но этого было бо-

лее чем недостаточно, ибо цена его протестам была бы лишь в тех случаях, когда бы их все знали. Церетели не протестовал против следующих действий своего правительства. Грузия ввела у себя смертную [казнь], без нужды расширив пределы ее применения. Принципиальный противник не мог бы допустить ни в каком случае такого широкого ее применения. Это расширение было тем более гнусно, что применение ее фактически вовсе не требовалось. Закон о смертной казни нужен был для Грузии только для поднятия престижа власти правительства, «дескать, мы можем еще и не то делать». Казнили и очень многих в политическом отношении совершенно безобидных людей. Да будет это позором для Грузии! Грузинская власть уничтожила политическую независимость Абхазии, несмотря на существование договоров ее предусматривающих. Она поступила с Абхазией в малом масштабе, как Германия с Бельгией¹, т.е. пренебрегла «ничего не стоящими бумажками». Идея самоопределения народностей была сведена при этом на нет. В тюрьму ею были посажены деятели Абхазского Народного Совета, т.е. члены парламента Абхазии. Посажены были личности по закону неприкосновенные. Свобода печати точно таким же образом была сведена на нет. Да, вообще, заодно с нею и все другие свободы. Даже фикции свободы

¹ А.А. Демьянов сравнивает вторжение Германии в Бельгию в августе 1914 г. с агрессией Грузии (при поддержке Германии) против Абхазии в июне 1918 г.

личности в Грузии не существовало. Это все светильники и все эти светильники были погашены грузинской властью. Грузия вела постоянные войны с соседями, то с армянами, то с Азербайджаном, ссорилась с аджарцами и все из-за вопросов территориальных во имя своей наживы. Церетели виноват в том, что не останавливал политику своего правительства в воспитании грузинского народа в ненависти к России. Он, наконец, не остановил грабежа грузинской властью огромного, многомиллионного достояния России, заключавшегося в военных и других припасах, находившихся на складах в Тифлисе. А один, сравнительно мелкий факт и совсем непростителен для Церетели. Когда в одну из опасных для Грузии минут, грузинское правительство через подставной свой орган демократии – грузинский совет рабочих и солдатских депутатов, обратился с каким-то призывом к демократии всего мира, то в этом обращении оно обозвало свое дворянство «паразитическим сословием». Церетели дал свою подпись под этим документом. Он не должен был этого делать. Никто в Грузии не смел так назвать грузинское дворянство, которое не протестовало, когда от него отбирали земли, которое не только терпело чуждое ему правительство, но поддерживало его *bona fides* и только потому, что признавало, что другого в стране призвать было в то время невозможно, что по тогдашнему времени лучшего нельзя было даже найти. Дворянство, как местная интеллигенция, всем сердцем сочувствовала идее не-

зависимости свободной Грузии. Сыны дворянских семей служили в армии и с честью защищали Грузию от нападения соседей и большевиков. Офицеры дворяне умирали на полях сражений, тогда как пресловутая, избалованная «народная гвардия» либо бежала перед большевиками, либо делала на их сторону перелеты. Пусть Церетели об этом вспомнит и пусть, когда вспомнит, покраснеет. У меня фантастическая идея, не от того ли у Церетели такая складка страдания на лице, что ему вопреки своему желанию приходилось столько раз грешить против себя?! Нельзя безнаказанно жертвовать чистотой намерений; они никогда даром не проходят. Хочется этому верить! Если бы Церетели был тем «чудаком» или тем «Дон Кихотом», что никогда не изменял своим убеждениям, то какую бы он смог сыграть огромную роль в политике не только родины, но и России. Влиятельный и идейный что бы эта была бы за моральная сила! Народ такими лицами не пренебрегает; он делает из них своих пророков. Жаль, что Церетели стал думать о земле в ущерб небу. Кто может теперь сказать: после прошедших в Грузии событий сможет ли Церетели вернуться в Россию в качестве ее сына для дальнейшей политической деятельности. А, если вернется, то будет ли ее любимейшим сыном?

Но в отделении Грузии от России Церетели, конечно, не виноват. Он просто принял это отделение, вернее отпадение, как исторический неизбежный факт. Отделение это оправдывалось нежеланием Грузии идти в ногу

с большевиками. Ослабление большевиков было полезно самой России и посему не было реальной необходимостью поддерживать тогда идею единой нераздельной России даже в смысле его федеративного республиканского устройства. Тем более, что Церетели вовсе не отрицал, а даже всегда открыто заявлял, что Грузия и Россия в будущем должны идти всегда нераздельно.

В конце-концов Церетели был своими же услан за границу; правда в качестве почетного представителя Грузии для того, чтобы выхлопотать у держав согласия юридическое признание политической независимости Грузии. Он удалился, может быть, не подозревая даже, что им уже в Грузии тяготились, как лицом, с которым не так-то легко сговориться и сладить, да было бы ему это известно! Чтобы не сказали, что я говорю голословно, сообщу, что слышал это от одного видного политического деятеля Грузии.

Церетели, если не ошибаюсь, печатал за границей брошюры о Грузии. К сожалению мне не удалось познакомиться с ними. Я не знаю в каких красках он рисовал события и положение Грузии.

Совсем другого типа Гегечкори. У Гегечкори уже вытравилось все святое, если только когда-нибудь оно у него было. Правда, социалистическая программа ему до известной степени свята, но постольку-поскольку ему нуж-

но ее держаться, чтобы самому не свалиться с высоты им занятой. Политические компромиссы для него – мутная вода, в которой он ныряет совершенно свободно и ловит в ней нужную ему зазевавшуюся рыбу. Его правильно называют грузинским шовинистом. По-видимому никто и ничто не любит и никого не уважает. А ненавидеть, пожалуй, умеет. Россия для него стала чужой, враждебной страной. Он от нее отрекается, походя, направо и налево, и даже официально утверждал (в документе на имя Азербайджанского правительства), что у Грузии и России нет ничего общего. Я не удивлюсь, если и теперь в своем изгнании он о России говорит в том же духе. Гегечкори уже забыл, что он, в качестве представителя от Временного Правительства, т.е. от имени России ездил в Финляндию убеждать ее не отделяться государственно от России до рассмотрения этого вопроса в Всероссийском Учредительном Собрании. Все лица, подобные Гегечкори, забыли, что они являлись когда-то представителями русской демократии, которые могли бы теперь предъявить к ним некоторые требования морального свойства. И чтобы Г. Гегечкори во множественном лице могли возразить на эти требования? Лозунг «пролетарии всех стран соединяйтесь», основной лозунг социал-демократии они, представители Грузинской социалистической Республики, спрятали в карман, когда им показалось это выгодным, т.е. когда они провозглашали самостоятельность Грузии. Теперь для них демократия России также далека, как и

сама Россия; все это – слова без содержания. Но я думаю, что они еще не раз изменят своим взглядам, если время этого потребует.

В таком же роде Карло Чхеидзе. Но Чхеидзе не лезет вперед с отрицанием России; здесь он помалкивает, ибо очень еще недавно он был председателем Петербургского Совета рабочих и солдатских депутатов. Это его обязывает. На родине его не считают политической величиной высокой марки, но бывшее положение в революционной России слишком кричаще, чтобы игнорировать его. Его выбрали председателем Грузинского Парламента.

Самое трудное сказать что-либо о Ное Жордания, бывшем депутате от Грузии Первой Государственной Думы. Человек безусловно ума недюжинного и даже государственной складки. Чрезвычайно властный, хотя старается скрыть это. Отлично знает, где раки зимуют. Вероятно злобен и завистлив, как его авторитет К. Маркс. Очень благообразной «собой» наружности. Портит его лицо некоторая излишняя вспученность глаз, свойственная, пожалуй, всей грузинской нации. Жордания – главная пружина всей политической жизни Грузии; без него ничего не делалось, он давал тон всему. Когда готовилось какое-либо очередное политическое выступление, нрав-

ственно отрицательного характера, формально он всегда был в стороне. Под удары подставлялась голова Ноя Рамишвили, который все принимал с охотой, ибо последнему все было ни по чем. Жордания очень ловок и скрытен. Ему ничего не стоит сделать вид, что он распускает вожжи управления и в то же время их подтянуть; сказать – «отпусти» и в то же время секретно дать приказ – «держи крепче». Интересно было бы спросить его товарищей по Кабинету, насколько он надежен в качестве, именно, товарища по службе и стоящего при том во главе всех других товарищей? Поддерживал ли он падающего или же подталкивал его при падении, чтобы тот скорее упал и не мешал своей персоной? Подтолкнуть он мог и того, кто, казалось, крепко стоял. По речам и внешнему поведению Жордания нельзя судить, как происходит дело. Для нужного ему освещения он, не стесняясь, говорит неправду. Характерно его поведение, когда велась борьба грузин с большевиками. Он скрывал не только до последнего момента, но очень долго после этого момента, что грузинская народная гвардия изменила под Тифлисом грузинскому правительству и переметнулась на сторону большевиков. Когда грузинское правительство было уже за пределами большевистской досягаемости, т.е. за пределами Грузии, оно, в лице, конечно, Жордания восхваляло (на всякий случай, конечно) грузинские войска за патриотизм и за мужество его в борьбе за родину. Накануне своего окончательного падения и выезда из Батума гру-

зинское правительство, уже перетащившее все нужное для себя на морские суда (нужное – это были деньги и вообще все ценное) уверяло своих же членов парламента, собравшихся в Батуме в экстренном заседании, что дела на фронте не безнадежны и что набор солдат в провинции идет нормальным порядком и при патриотическом подъеме народа! Кому нужен был этот обман, цинизм или, лучше сказать, бесстыдство! Правительство Грузии уже за пределами родины в каком-то воззвании своем объясняло, что грузинскому солдату в Батуме приходилось сражаться на два фронта – и с большевиками, и с турками, последние, будто бы, как принято в таких случаях, «всаживали грузинам нож в спину». Так ли это верно? В свое время Грузия пригласила турок помогать им в борьбе с большевиками. За эту помощь Грузия отдавала туркам Аджарию, т.е. Батумский округ, правда, как мне помнится, без г. Батума. Турки начали уже с ведома их хозяйничать в Аджарии и принимали всякого рода депутации местных жителей, боявшихся большевиков. Грузия надеялась на турок в том отношении, что большевики не посмеют ссориться с своими союзниками турками. Турки тоже на это, кажется, надеялись. Надеялись, кроме того на то, что вся Аджария вместе с Батумом навсегда останутся в их владении. Но большевики не остановились в своем походе и прогнали из Батума и грузин и турок. Грузинскому войску не пришлось сражаться на два фронта; оно просто перешло на сторону большевиков. Для грузин

турки были хороши только до тех пор, пока на них надеялись, что через них удастся справиться с большевиками и тем сохранить Грузию. Так как этого не случилось, то турки, как претендующие на Аджарию, попали во враги Грузии. И несомненно Жордания и другие политические деятели Грузии в душе конечно все свои симпатии в борьбе турок с большевиками перенесли на сторону большевиков. И это было вполне естественно, расчет политический совершенно правильный, хотя отчасти и предательский по отношению к туркам. Большевики не вечны; Грузия возродится и ей вернут ее земли, т.е. Грузию и Аджарию. Но если Аджария с Батумом останутся в руках турок, то возврат Грузии Аджарии писан вилами на воде. Турки очень дорожат Батумом и без спора из рук его не выпустят, а если и возвратят, то еще неизвестно кому, Грузии или самой России.

В отношении Жордания нужно отметить еще одну особенность. Все в Грузии, как бы, держалось именем Жордания. В самом деле, он был нечто вроде грузинской иконы, которую выставляли на показ, на молитву и преклонение. Ной Жордания был олицетворением Грузии и, повидимому, никто не хотел, да и никому в голову не приходило, умалять значение его личности в Грузии. Находчивый, умный и представительный он умел держаться. Пострадал ли он в политическом отношении в прошедшем, я не знаю, но он был из того рода характеров, которые носят ненависть к своим угнетателям и к тому строю,

который создал возможность этого угнетения. Деникин был ему ненавистен. К русской национальности он, повидимому, не питал враждебных чувств, но, вероятно, был к ней совсем равнодушен. На дне таких душ часто лежит не семя добра, а семя зла. В этом отношении большевизм должен быть сродни Жордания.

Мне пришлось жить в Тифлисе. Нужно было что-либо делать и искать работу. Я посетил Русский национальный Совет в Тифлисе и прочитал там доклад о политическом положении Абхазии. Такой же доклад прочитал и в Тифлисской Кадетской группе, имевшей свой орган печати. Но как их газету называли теперь я забыл. Кажется – Тифлисская или Кавказская Речь. Тифлисский Русский Национальный Совет представлял из себя огромное по составу учреждение, напоминавшее собою нечто вроде Всероссийского Земского Союза или Вс[ероссийского] Городского Союза. Он занимал большое помещение. Совет был всегда битком набит русскими людьми. На нем лежала огромная работа по выяснению положения русского офицерства и солдат, возвращавшихся с военного фронта, русских чиновников и вообще всех русских граждан, попавших в Грузии в положение иностранцев. На совете же лежала обязанность кормления неимущих русских и подыскание им работы. Услугами Русского Национального Совета в отношении регистрации военных

чинов пользовалось грузинское правительство, которое, как обладатель всех местных казенных средств, должно было выдавать этим чинам подъемные и иные ассигнования. В полном объеме средства эти, однако, грузинской властью не выдавались, а в дополнение к ним давались какие-то квитки, дававшие право на получение дополнительной суммы уже на родине. Вообще не было в Грузии вопроса, касавшегося русских интересов ни политического, ни экономического, ни юридического, которого не пришлось бы так или иначе разрешать Русскому Национальному Совету. Районом действий Совета было почти все Закавказье, хотя были и другие местные Русские Советы с самостоятельными правами, однако действовавшие всегда в контакте с Тифлиским. Во главе Русского Совета стоял с.р. Лебедев, очень толковый человек, если не ошибаюсь – сотрудник газеты «Русское Слово» и не без дипломатических способностей. Разводить дипломатию с грузинскими властями, которые постепенно стали проявлять ко всему русскому и как представителю последних к Русскому Совету враждебное отношение, приходилось нередко и Лебедев держал себя всегда с достоинством, не позволяя наступать себе на ногу. Как всегда среди русских в самой среде Русского Совета произошел вскоре раскол. Вне Совета была партия крайних правых, ведших то же интригу против Совета. Такова уж планета русских – вечно ссориться и друг другу ножку подставлять. Лебедев в Совете оказался среди правых, а левыми были те,

что стали понемногу переходить на дружбу с большевиками. Грузинская власть поддерживала ссору, помогая по возможности в борьбе большевистствующим членам Совета. Оно помогло в конце-концов левым свалить правых. Лебедев был выслан из Грузии и русское дело в Тифлисе захирело, а потом и вовсе заглохло. При мне, т.е. когда я жил в Тифлисе, раскола в Совете еще не было, но враждебное отношение грузинских властей начало уже проявляться вовсю. Впоследствии, перед переездом в Баку, я посетил опять Национальный Русский Совет. Внешне в нем был большой порядок, чистота и даже лоск. Совет жил в полном согласии с грузинскими властями, но делать ему уже было нечего и ни одного посетителя в Совете я не встретил.

Я решил заняться в Тифлисе газетной деятельностью. Работу я получил в партийном органе местных с.р., маленькой по объему газетке «Знамя Народа». Эта газета меняла свое название несчетное число раз. Ее постоянно прикрывал Министр Внутренних Дел Ной Рамишвили, но на другой же день она возрождалась из пепла под новым названием, причем любопытное, но заурядное дело – редакция газеты оставалась на старом месте с прежними сотрудниками, той же канцелярией и прежним издателем. Менялось, как я сказал, название газеты и фамилия ее редактора. Глупейшее, вообще, дело закрывать газеты

за направление. И делало эту глупость на манер старорежимной новая и при том социалистическая власть, дошедшая вскоре в своем произволе до геркулесовых столбов. И делал это никто иной, как неустрашимый Ной Рамишвили. В этой газете мои статьи все проходили. Это было для меня большим утешением. Цензура моих статей в газете была не строгая, а скорее забавная. Например, я пишу слово «народ», а меня исправляют – вычеркнут слово «народ» и напишут «демократия»; и все в таком роде. Я конечно не протестовал – это были ничтожные мелочи. С эсерами я жил в Тифлисе в дружбе. Я писал по текущим злободневным вопросам и не церемонился с критикой того, что происходило тогда в Грузии. Эсерам это нравилось, они были в ссоре с эсдеками, но грузинскому правительству – наоборот. Это мне передал Н.Д. Соколов, добавив, что грузинское правительство очень претендует на меня: оно де меня освободило из тюрьмы, а я пишу против них. Н.Д. Соколов, который относился к моему писанию вообще несколько свысока, на некоторые мои статьи и отдельные выражения прямо сердился. Его обидело, например, когда я назвал в одной из своих статей Ис.Ив. Рамишвили «насвистанным скворцом». Как можно было смеяться над иконой Грузии? Соколов говорил мне – «если Вы будете бранить таких лиц, то, как Вы хотите иметь хоть какое-либо влияние в Грузии. Кто Вас ради Ваших дел будет слушать. Так Вы ничего не добьетесь». Я абсолютно не разделял взглядов Н.Д. Соколова, этого

по свойству души человека глубоко честного и добрейшего, но ходившего в шорах. Ни одного греха он не прощал старой власти, а социалистической прощал все, сам, повидимому, не сознавая того, что делал. Н.Д. Соколов не хотел понять, что если по шее ударит социалистический кулак, то от этого удара также больно, как и от удара кулака императорской власти, и это все зависит лишь от силы удара. Он сердился, что я указывал дефекты, какие усматривал в политической жизни Грузии, и говорил – «Вы сравните, как живет в Грузии и как в советской России. Здесь дышать можно, а там люди задыхаются». Между тем, я никогда не имел в виду что-либо сравнивать, а говорил – «плохо», когда видел, что было что-то плохое и плохое без нужды. Бывали минуты, когда Н.Д. приходил ко мне и разговаривал со мною, буквально сидя ко мне спиной и пуская свои слова в стену, куда садился лицом. Но, я знал Н.Д. Соколова бесконечное число лет и был к нему привязан, как, думаю, и он ко мне. Я видел от него по отношению ко мне всегда одно хорошее. Должен сказать, что теперешнее терпимое отношение Н.Д. к большевикам меня волнует до глубины души. (Писано в Константинополе, когда полный переход Соколова на сторону большевиков не был еще известен. – Демьянов А.А.). Шоры совсем закрыли его глаза и мне жаль его. Объясняю себе поведение Соколова тем, что он бессмысленно боялся какой бы то ни было реакции, связывая идею реакции с формальным возглавлением ее монархом.

Одобрями мои газетные статьи сидевшие в тюрьмах мои приятели и как передавали они и большевики, сидевшие в Метехском замке. «Вот, говорили последние абхазцам, скоро вернут к нам Вашего Демьянова».

Когда я уже уехал из Тифлиса газету «Народное Знамя» окончательно прикрыли, а с редакторами и издателями ее что-то сделали нехорошее. Сначала выслали армянина Тарсанова, бывшего члена грузинского парламента и при вторичных выборах не избранного в члены парламента, а затем и заменившего его в редакции русского с.р. Авдеева. Между прочим Авдеев поместил в своей газете ряд очень хороших статей о добровольческой армии. К вопросу он отнесся очень объективно и отметил, что нельзя отрицать в самой армии ее демократического духа. К командному же составу отнесся отрицательно. Хороших отзывов о добровольческой армии ему в Грузии не простили.

Я написал для кадетской газеты «Речь» статью по поводу Абхазских дел. Первоначально, боясь репрессий со стороны Н.Ракишвили, она моей статьи не печатала и только тогда, когда эту статью согласилась напечатать «Знамя Народа», и «Речь» расхрабрилась. Все прошло для нее благополучно. В этой статье помимо передачи истории Абхазского Народного Совета, его разгона и ареста его членов, я указал еще на следующее. Грузинское Пра-

вительство к этому времени издало для Абхазии специальный избирательный закон для выборов нового Совета в каком-то никому неизвестном административном порядке, точно издало какое-то обязательное постановление. Я указал, что нельзя же в самом деле писать законы для чужого государства; но если даже считать Абхазию в составе Грузии, то и в таком случае и для себя нельзя издавать новых законов, не проведя их через свое законодательное учреждение, т.е. через парламент. Иначе это будет не закон, а черт знает что!

Грузинским законникам это соображение, повидимому, своевременно в голову не пришло. Очевидно, я их надоумил. Свою ошибку власть, хотя отчасти, исправила *post factum*¹. Послушное Н. Жордания социал-демократическое парламентское стадо (как назвать их иначе!) составлявшее подавляющее большинство в парламенте, конечно, одобрило закон, изданный в административном порядке, и конечно не раздалось ни одного протеста против насильственной узурпации Грузией прав свободной Абхазии. Указал я в своей статье и на другое забавное административное действие Министра Рамишвили. Когда арестовали Вл.К. Шервашидзе и других абхазцев, то не оставили в покое и Министра по делам Абхазии кн. Чхотуа. Тут уж все понятия о том, что можно делать и чего нельзя перемешались. Кн. Чхотуа считался и на самом деле был, как я упоминал, формальным, хотя и

¹ После сделанного.

совершенно безопасным министром грузинского правительства. Можно ли представить себе, чтобы министр мог быть арестованным в административном порядке? Практика ни одного государства не давала, кажется, подобных примеров. Я не говорю о революционном времени, где лыко в страну не ставится. Но грузинскому кабинету нужно было показать свое «революционное творчество». И действительно оно его показало, когда революцией и не пахло. Чхотуа подлежал аресту согласно сделанному распоряжению даже не министра внутренних дел, а его товарища по службе. Если знать, что самостоятельным правом ареста у грузин пользовались почти все министры, то ничего не было бы удивительного, если бы при таком порядке все министры друг друга поарестовывали. При этом кн. Чхотуа не предложили даже предварительно подать в отставку, ни даже не доложили о состоявшемся распоряжении парламенту Грузии. Но и сам парламент, шедший на поводу у Жордания, не хотел или не посмел возбудить вопроса, как и по чьему велению могло произойти такое событие без его ведома. Случай был ведь во всех отношениях чрезвычайный.

Кн. Чхотуа как-то заранее узнал, что его собираются арестовать и предупредил событие, т. е. скрылся. То же явление необычайное – министр, еще состоящий на Государственной службе, куда-то удирает! Так или иначе, но кн. Чхотуа удрал и понадобилось очень много време-

ни, пока жене его, урожденной грузинке из влиятельного грузинского семейства, удалось в конце концов добиться, чтобы ее «виновного» мужа Грузинское правительство простило. Кн. Чхотуа кончил тем, что стал служить в Грузии в качестве какого-то военного чина. Но это уже являлось делом психологии самого Чхотуа, согласиться или нет на прощение ему поступка, в котором ни один прокурор в мире и ни один суд не нашел бы никакой вины.

Случаи прощения несовершеннолетней вины я знаю и другие. Один очень характерный и тоже с абхазским князем я расскажу. В Абхазии жил чрезвычайно популярный в населении помещик кн. Маршания по чину полковник русской службы в отставке. По натуре деятельный и с твердым характером человек. В борьбе Грузии и Абхазии он яро защищал интересы абхазцев и был, повидимому, для грузин опасным противником. Но арестовать его не удавалось. Он считался грузинами за монархиста и не подлежал амнистии. Если бы он в свое время попал в руки грузин, я бы не удивился, если бы его приговорили к смертной казни. Но он не попался. Грузинское войско сделало нападение на его поместье и в его отсутствии взорвало его усадебный дом ручными гранатами. Кн. Маршания скрывался в лесах и среди населения, которое сочувствовало ему в его борьбе с грузинами. Всем было известно, а в том числе и грузинским властям, что у него были свои многочисленные защитники из народа, которые охраняют его очень усердно. И кн. Марша-

ния иногда открыто появлялся на празднествах среди населения, председательствовал на них даже в присутствии грузинской милиции, которая не решалась его задержать, ибо не имела на то физической возможности. Популярность кн. Маршания была настолько велика, ему так все сочувствовали, что где соберутся абхазцы, там непременно пьют за его здоровье. Грузины ничего с ним поделать не могли. Тогда они пошли на уступки. Они предложили кн. Маршанию даровать ему полную свободу, уплатить ему все убытки по уничтожению его поместья, предложили в собственность дом в Тифлисе (взамен, кажется, уничтоженной усадьбы) и кн. Маршания на это пошел. Из волка он превратился в ягненка и переселился в Тифлис. Грузия избавилась таким образом от опасного для неё врага.

Лично на меня этот поворот кн. Маршания произвел тяжелое впечатление, хотя я не мог его обвинять. Кн. Чхотуа меня не удивил; он на моих глазах менял затем цвета. Я знал, что он одно время стремился на службу к Деникину и чуть ли не вел по этому поводу какие-то переговоры. Затем он стремился занять видное положение в Абхазии, заручившись поддержкой Грузии; попал потом в военную службу к грузинам и открыто уже стал высказываться, конечно только в угоду грузинам, против Деникина, как враждебной Грузии силы. Но князь Маршания меня удивил; от него этого шага я никак не ожидал, зная отзывы о нем. Хотя и то надо сказать –

скрываться и жить в лесах пожилому человеку не сладко, да и не под силу иногда.

Твердым в своих воззрениях я знаю (и мне приятно это вспомнить) только одного абхазца, старика за 70 лет кн. Александра Георг. Шервашидзе¹. Кстати и наружность его очень примечательная, красочная в особенности в его белом туземном костюме. Таким, как он, представляют себе Тараса Бульбу.

Плотный, коренастый и с большими висячими белыми усами. Его любил покойный пр. [инц] Ольденбургский, владелец Гагр. Хорошо он был принят и во дворе. Этому ему в революционное время не прощало. Кн. Александр никогда, ни перед кем не гнул шею.

В тот год, когда я жил в Сухуме, мать кн. Шервашидзе была еще жива. Как говорят, ей было уже тогда под 120 лет. Она сохранила до смерти память, глаза и слух. Она могла читать и писать, но была страшно заботлива о себе, эгоистична до последней степени. Никто и ни в чем не смел беспокоить и тем более огорчать. Узнав о смерти внука своего кн. Варлама Лев[ановича] Геловани, члена 4-ой Государственной Думы, она не пожелала видеть у себя его вдову Нину Георгиевну, чтобы не впасть в беспокойство. Умерла она от рака на носу в полном сознании. Вся округа провожала ее гроб. Отдать ей последний долг прибыл, тогда еще скрывавшийся кн. Маршания, окруженный своими телохранителями.

¹ Правильно: Александр Григорьевич Шервашидзе.

Старуха Шервашидзе родилась в Абхазии, когда она еще не была присоединена к России и умерла после того, когда она отделилась от нее.

Грузинская социалистическая власть, как я уже говорил, совершенно не церемонилась с арестом таких лиц, которых она считала для себя даже не опасными, а просто неприятными. Очень извинялась потом, если при этом давала маху. Это случалось. Извинялась конечно только перед сильными, если разумеется, за арестованного заступались закулисные хозяева Грузии либо немцы, либо впоследствии англичане. Выше я говорил, что грузинская власть посадила в Метехскую тюрьму несколько большевиков, между прочим все лиц интеллигентных по своему облику, посадила в административном порядке. Одновременно грузинская власть допускала в Тифлисе какие-то открытые собрания большевиков с платным входом (она скупала при этом все почти билеты и наполняла собрание своими людьми) и очень хвалилась своей толерантностью: «вот дескать, как у нас свободно». Метехские большевики однако продолжали сидеть, не зная, в чем их обвиняют; они все не могли добиться, чтобы им это объяснили. Сидели сравнительно долго и, не видя конца своему неопределенному положению, объявили наконец голодовку. Голодовка в социалистической стране – это неудобно. О том, что кто-то и где-то там голодает можно

бы и не беспокоиться, но вот... социалистическая власть и вдруг голодовка! Как быть? <...> Послали за посредником Н.Д. Соколовым и через него сообщили узникам, что дело их будет немедленно решено. Соколов убедил большевиков отказаться от голодовки. Голодающие пошли навстречу убеждениям. Однако и после своего обещания власти не торопились с решением дела об арестованных. Продержали их и далее, сколько хотели, т.е. надули большевиков и Соколова кстати.

Власть решила из числа арестованных абхазцев раньше других выпустить студента Аджамова. Тот заявил, что считает несправедливым, чтобы его освободили одного, а других задерживали и отказался по сему от выхода из тюрьмы. Аджамов, бывший член Абхазского Народного Совета, был за это посажен в тюремный карцер.

Интересен случай обращения власти с печатью. Ной Рамишвили пригласил к себе представителей печати и произнес им речь, очень грозную, сопровождавшуюся всякими устрашениями. Программа речи – безапелляционное разъяснение присутствовавшим того, что можно печатать в газете, и чего власть печатать не допустит. Ни одному чиновнику старого времени не пришло бы в голову так высокомерно принимать званых гостей, так

нагло держать себя с ними, как держал себя министр грузинской социалистической Республики Ной Рамишвили. Покойный Лорис-Меликов от зависти лопнул бы, если бы мог предвидеть такую возможность, а Ив.Н. Дурново похвалил бы Рамишвили и сказал бы – «хвалю, сынок! Вот так славный ученик!». Я написал по поводу этого приема статью в «Знамени Народа», в которой сказал, что так беседовать, как беседовал Ной Рамишвили с представителями печати, мог разве только больной человек. Однако и представители печати оказались хороши: на речь Рамишвили они ничем не реагировали. Я советовал кой-кому из литераторов созвать всех тех, кто был на приеме у Рамишвили и текстуально восстановить все то, что он говорил. Получился бы драгоценнейший, яркий исторический и бытовой материал. Советовал затем огласить свой по поводу такого приема Министром представителей печати протест. Но деятели печати не пошли на это, сколько по обывательскому равнодушию, столько же, может быть, и по трусости.

Была закрыта газета «Кавказское Слово», умеренного направления и не социалистическая. Однажды я прочитал в одной из Тифлисских газет (их, кстати сказать, издавалось весьма большое количество), что «Кавказское Слово» будет вновь допущено Грузинским правительством к обращению, если оно будет писать «за» Грузин-

ское правительство. Это уже было нечто особенное: открыто заявлялось, что чья-то совесть может быть куплена за известную мзду. До сего времени какой-либо очень беспокойной газетной совести говорилось «цыц» и на этом кончали свое воздействие. Правда, и покупалась иногда совесть, но келейно. А теперь?! Я однако не придал серьезного значения газетному сообщению, и, зайдя в редакцию «Кавказского Слова», посмеялся над нею – «вот какие требования к печати нынче предъявляют – не только не помещай статей против правительства, а обязуйся писать за него». Но в редакции мне заметили – «чего же Вы смеетесь; это сообщение соответствует действительности». Газета избавилась от давления, изменив название свое.

Гарантий при обысках и арестах в Грузии не соблюдалось никаких. Обыскивали людей иной раз пачками. Сгоняли толпу в одно место и проверяли документы. Искали, например, оружие, арестовывая тех, у кого его находили. Обыски производились прямо на улице, причем обыскивали без разбора всякого проходящего. А тем, кого обыскивали... было весело. Некоторые хвастались – меня сегодня на улице пять раз обыскивали, два раза на Головинском, три раза на Михайловской. А то днем полицейские запрут намеченную гостиницу, никого из нее не выпускают и идут с обысками из номера в номер и при этом

утешают – «гостиница не будет долго заперта». А если Вы протестуете, то Вас с значительной миной спрашивают – «а позвольте узнать, как Ваша фамилия?». Вопрос, имеющий немаловажное значение при царстве произвола. Эти порядки, однако, нисколько не мешали ни грабёжам, ни воровству, ни даже убийствам. Милиция была по уровню своему ниже всяких требований. Она в Тифлисе неистовствовала и драла где только можно и где хотела. Конечно, в Тифлисе все же относительно было хорошо, если сравнивать с тем, что происходило в Советском раю. Но все же чем же тут быть довольным. Поистине – непонятна психология Н.Д. Соколова. Хорошее у Грузии было только на бумаге. Даже определенной программы действий у них не было.

Так было в вопросе о земельной реформе. Само собою разумеется, Грузинское Правительство не провело (а я бы сказал, не сумело и не смогло) земельной реформы в социалистическом духе. Вся земельная реформа у них сводилась к следующему – отобрание земель у помещиков безвозмездно и раздача крестьянам и желающим сесть на землю за деньги и притом за большие. Реформа не дала беднякам возможность получить землю в собственность; только люди с достатком могли этого добиться. Для чего было сделано именно так? Вопрос земельный был тут почти в стороне. Политика тут была иная. Цель главная

была – пополнить опустевшую казну деньгами. Ради этого жертвовали идеей наделения земель безземельных. Иначе говоря, вся земельная реформа сводилась к тому, чтобы из малого количества помещиков сделать большее; правда, не столь многоземельных, но все же только зажиточных. Чисто Столыпинская земельная программа, но без Столыпинских дворян-помещиков, а лишь с одними зажиточными крестьянами. Расчеты правительства на покупку земель крестьянами или иначе на пополнение грузинской казны деньгами на деле не оправдались. Крестьяне неохотно покупали земли, даже такие мужички, которые по своим средствам могли бы сравнительно лихо это сделать. Они ожидали, и не без основания, что наступит некогда день, когда правительство станет раздавать земли народу даром, на то оно и социалистическое. А иногда, не в пример общему правилу, разыгрывались истории в чисто русском стиле. Грузинские мужички, очевидно, не доверяя прочности своей социалистической республики, побаивались завладеть помещичьей землей (конечно, явление не повсеместное) «а вдруг придется возвращать!». Поэтому были случаи, что крестьяне, покупая от казны землю помещика, обращались к последнему с просьбой и с его стороны дать им «бумагу» на землю, за это совали помещику в руки деньги. Кроме всего прочего, крестьяне понимали, что помещик продал бы им свою землю за цену значительно более дешевую, чем казна. Да и помещики некоторые, кажется, внушали

им эту мысль. А мужичку все-равно, кому выкладывать деньги, если уж что нужно. Я думаю, что у многих грузинских мужичков из-за этих расчетов было в душе желание похерить социалистическую республику ради другой формы правления, при которой земли легче приобретать. Крестьяне, вместе с тем, должны были понимать и то, что взять от помещика землю даром, как это сделало грузинское правительство, а затем продавать ее в другие руки втридорога пахнет чем-то не особенно хорошим. Взял даром, так и отдай даром! То же думали и помещики. Какое название дать земельной реформе если верить земельной афере, при которой выкупные платежи попадали к собственнику земель, и захватчику. Помещики не без основания считали себя ограбленными. Но у них была и другая причина к недовольству действиями правительства. Дворяне по многим основаниям могли претендовать на нее за закон о земле. С ними поступали круто и несправедливо и этим хвастались перед большевиками – вот как у нас поступают с «паразитическим сословием». Порядок раздачи земель был таков: всякий совершеннолетний имел право приобрести на свое имя земельный участок определенной величины (от 7 до 15 десятин, смотря по качеству земли). Человек из демоса, имевший нескольких совершеннолетних сыновей и дочерей, в праве был получить на свое имя и на имя своих совершеннолетних детей столько земли в одном участке, сколько приходилось по сложению всех долей. Дворянским семьям в этом отка-

зывали. Целая семья с многими совершеннолетними не могла получить более одной доли. К ним не применялся принцип наделения земель, казалось бы, общий для всех. Вспоминается, что впоследствии стали наделять землей неимущих даром. Но это уже была поправка к неудавшейся программе, сущность которой от этого нисколько не изменилась.

Грузины выработали такой закон, по которому назначение сенаторов в грузинский Сенат, даже в кассационном департаменте, подлежало выборному началу и сенаторы избирались никем иным, как самим парламентом и при том на срок существования самого парламента, т.е. до новых его выборов. Нельзя предполагать, чтобы домощенные грузинские юристы не понимали (некоторые, впрочем, могли и не понимать) какое своеобразное начало они вводят при этом в свое судебное дело. Оригинальность – не всегда уместна! Ставить сенаторов в полную зависимость от парламента или, вернее, даже от соотношения политических партий в парламенте, не значило ли наносить смертельный удар драгоценной независимости судебской совести? Не дико ли это было?! Министерство имело своих кандидатов на замещение сенаторских мест, но ему пришлось уступить эти места ставленникам парламента, из которых некоторые, кажется, не нюхали юриспруденции. Я не знаю, как этот закон проходил в парла-

менте, встретил ли он хоть с чьей-либо стороны отпор. Судя по прессе закон прошел без задоринки. Послушный власти грузинский парламент переваривал, не поморщась, всякую дребедень, которую ему преподносило соц. дем. правительство. Эта дребедень, якобы, носила демократический дух.

У меня было такое впечатление, что за что бы грузинские власти не брались в любой области управления, везде они делали так, что смотреть на их работу было противно. Да и на душе отзывалось угнетающе – нигде правда и справедливость не торжествовали. Ничего делать не умели, но все сопровождалось громкими речами и какой-то трескотней. Об учреждении никому не нужного чрезвычайного суда я упоминал, но ведь кроме него существовал и военно-полевой суд, действовавший в мирной обстановке. То, что делалось этим судом в Сухуме, было прямо кошмаром. Даже расстреливать осужденных не умели. Я знаю со слов офицера, командовавшего той ротой солдат, которая исполняла приговор о смертной казни, что ему самому приходилось из револьвера достреливать осужденных, чтобы напрасно не мучились. Делал это офицер не из чувства долга, а из чувства сожаления к умиравшим. Тягостно было ему это воспоминание. В Сухуме было много случаев применения военным судом смертной казни. Казнили так называемых раз-

бойников, все больше молодых людей из мингрельцев и абхазцев. Родители осужденных приезжали и ждали расстрела сыновей на месте казни, чтобы увезти затем останки расстрелянных на их глазах детей и похоронить их в родном месте. Дети тоже видели родителей, ожидавших их тела. Слава Богу, что хоть тела-то выдавали! Расстрел проходил на берегу моря у стены, возведенной железной дороги для ограждения полотна дороги от размыва. Это было место, где сухумцы устроили себе морской пляж и где грелись на солнце во время купанья. Само собою разумеется пляж был испорчен начисто. И в самом деле, где же тут было купаться, когда трупы зарывались тут же в песок и при том настолько кое-как, что море в непогоду размывало его и трупы казненных оказывались наружу, разнося смрад. И во всем так: делали жестокое и жестокое ненужное.

Какой линии держались грузины в церковном вопросе? Где уж тут говорить об отделении церкви от государства? Прежде всего Грузия позаботилась об отделении своей церкви от церкви русской. Она пожелала иметь свою церковную иерархию и нашла нужных ей услужливых для этого иереев. В порядке мирского законодательства почти все сколько-нибудь имеющие значение и ценность православные храмы были отобраны на нужды грузинской церкви. Таким образом грузинская церковь

близко стала к стяжанию Русского церковного имущества. Например, Сухумский Собор, построенный исключительно на русские деньги, был в указанном порядке отобран от русских и передан в распоряжение грузинского духовенства, не имевшего в Сухуме своей паствы. Распоряжался этим делом какой-то грузинский не то поп, не то монах, к тому же назначенный ещё в Сухуме на вакантную должность мирового судьи. Между тем такое совместительство службы и на духовном поприще и на мирском с точки зрения канонических правил православной церкви вовсе недопустимо и даже мало того, оно подвергает виновного в сем анафеме. Только благодаря этому указанию, сделанному грузинскому священнику русским, грузин отказался от должности судьи. В самом Сухуме грузин – полтора человека, но все-таки собор был отобран и в дни службы стоял почти пустым. Ходили молиться в нем почти что одни члены Народного Совета Абхазии грузины социал-демократы.

В учреждении судебных установлений есть статья закона, гласящая, что присяжными поверенными не могут быть подданные иностранных держав. Как было грузинским властям политически самостоятельной Грузии не воспользоваться этой статьей, чтобы тут же не лишить русских присяжных поверенных «как иностранцев» права практики при грузинских судах. И лишили! Однако, в

ущерб интересам своих же граждан грузин, из которых многие не желали, чтобы их лишили излюбленных ими поверенных и чтобы им подсовывали таких, которые не пользовались никакой популярностью. Да и вообще местных грузинских адвокатов было по пальцам перечесть. Самое незначительное количество. Для чего это было сделано? С реформой этой даже не было нужды торопиться. Никому, например, не вредило, что русские присяжные поверенные продолжали практиковать в Сухуме и Баку.

Грузия издала закон об усилении некоторых наказаний за уголовные преступления... с обратным применением наказания. Само собою разумеется дело касалось присуждения к смертной казни. Это же было незнанием азбуки уголовного права. Почему же так было сделано? Вряд ли со злым умыслом, по одному недоразумению или за недостатком в Грузии юристов. Случилось, вероятно, так: уголовный закон был сострянпан самоуверенными головами грузинских администраторов без ведома и участия в составлении его юристов. И вышел срам!

По требованию центральной власти, да и по новому грузинскому закону, лица, привлеченные к уголовной ответственности и подсудные чрезвычайному суду, подвергались предварительному заключению. В Сухуме вот что происходило из этого: подсудимых сажали в тюрь-

му, где свирепствовал сыпной тиф. Я не помню ни одного судебного дела в Сухуме в чрезвычайном суде, чтобы оно было заслушано своевременно или не было прекращено из-за того, что подсудимые либо лежали больными – в сыпном тифу, либо уже отдали Богу душу. Выходило так, что подсудимого еще до суда приговаривали к смертной казни через сыпной тиф. С этим явлением никто не боролся, будто дело шло естественным путем и никто, ни в чем не виноват. Уже один страх заболеть сыпняком был в своем роде тягчайшим наказанием для привлеченных. Но я не знаю и мягких приговоров в этом суде. Сыпной тиф не влиял даже косвенно на мягкое отношение к подсудимым.

Но кроме чрезвычайного суда в Грузии существовал еще чрезвычайный военный суд, применявший исключительно смертную казнь. В противном случае вынужден был оправдывать. Рассматривались в нем дела гражданского населения. В Сухуме, мне известно, в числе судей не было ни одного юриста: дела же решались по полицейским протоколам и без вызова свидетелей. Защиты по закону в этом суде не допускалось.

Мы знаем до каких геркулесовых столбов дошла большевистская власть в принуждении к физическому труду русской интеллигенции. Но то, что делали в этом отношении в Грузии мало чем отличалось от того, что делалось в советской России. Разница была, пожалуй, только количественная, но не качественная. Испытавшие на себе

принуждение к труду терпели в Грузии те же муки, как и в России. Принуждение «ничего не делающих буржуев» к физическому труду основано было главным образом на желании Грузии показать «пролетариату», да и то не своему, что «у нас в Грузии буржуазные слои населения не остаются без воздействия». По существу же никакой нужды в физическом труде интеллигенции, по преимуществу русской, не было, ибо никто не ждал какой-либо продуктивности от этой работы. Между тем, для ловли ленивых буржуев оцепливались в Тифлисе улицы, «лентяев» сгоняли на площадь и там регистрировали. А затем гнали куда-то далеко за город, в горы рубить и пилить дрова. В Тифлисе тепло, в горах, надо помнить, холодно. Хочешь, не хочешь, а пойманым приходилось ехать. Однако на местах заготовки дров не было приспособлено для случайных рубщиков ни помещения для жилья, ни топоров, ни пил, ни теплого платья, ни сапог, ни даже доктора, в котором оказалась немедленная нужда. Ничего путного из затеи выйти не могло, но доказали, что идея личной свободы в Грузии не ценится.

Русское население не пользовалось защитой грузинских властей. Русские земельные колонии подвергались ограблению. Делалось это даже без ненависти к русским. Но они стали не своими. Было это, конечно, не повсеместно. Русские деревни в иных случаях стали эми-

грировать и Кавказ лишился многих культурных уголков. Сведения о такого рода событиях были сосредоточены в Тифлисском Русском Национальном Совете, где должен быть собран богатый материал по истории русского вопроса в Закавказье во времена русской революции. В Абхазии мне были известны нападения сванов (сванетов) на русские деревни. Эти нападения оставались безнаказанными, несмотря на представления об этом грузинским властям со стороны Русского Национального Совета в Сухуме. Одно время русским в Абхазии грозил набор в грузинские войска. Русские бежали в горы. Прошло много времени, пока было установлено официально, что русские не подлежали набору. Между тем власти в Сухуме грозили русским крестьянам отнятием у них земли в случае, если они будут уклоняться от воинской повинности. Эта угроза шла от Абхазского Народного Совета, когда во главе его состоял Варл.Шервашидзе, док.Пашалиди и их присные. Русские бежали в горы, не без основания опасаясь возможности борьбы с русскими же.

Русских чиновников, весьма даже видных и в услугах которых грузины несомненно нуждались, они не стеснялись заменять своими в ущерб делу. Так было в министерствах и на железной дороге. Изгонялся вчистую и русский язык. Это обстоятельство вопреки всякой очевидности постоянно грузинами опровергалось, как обвинение для

грузин одиозное. Это делал Н. Жордания в грузинском парламенте. Особенно нелепо было внедрять грузинский язык и изгонять русский в Сухуме, что на практике не могло дать осязаемых результатов. В Сухуме проживает много народностей и меньше всего грузин и все привыкли к русскому языку.

Я жил в Батуме и был свидетелем кошмарного бедствия с переселением греков из Аджарии в Грецию. Греки за небывало низкую цену продавали свои поместья, часть живого и мертвого инвентаря; они стремились в Грецию, где им, как говорили, заготовили землю. Но греческие власти не справились со сложным и ответственным делом переселения. Почему-то вышло так, что грекам пришлось, действительно, ждать у моря погоды. До глубокой осени греки жили близ Батума на биваках на берегу моря, не то в землянках, не то в палатках. Батум страшно дождливое место. Нужно было видеть во что в конце-концов обратились, так называемые, жилища греков. Греки стали болеть и умирать. Хоронить мертвых было не на что, да и жалели последние гроши... Кое-как греки сами сколачивали примитивные гробы из досок и кое-как потихоньку, по ночам, хоронили своих покойников на городском кладбище. Торопясь, они не зарывали их глубоко, да вероятно, и не стремились к тому. А ночью этих же покойников вырывали уже шакалы, которых немало

под самым Батумом.<...> Обглоданные кости мертвецов стали находить на поверхности земли. Когда же греков, наконец, стали грузить на корабли, то грузинские власти почему-то запретили грекам грузить с собой их скот, последнюю их ценность. Драм от этого произошло множество: греки отказывались даже грузиться без своего скота. Пошли пререкания между грузинскими и греческими властями, ссоры, а грекам приходилось ждать и страдать. Чем кончилась переписка между Грузией и Грецией, я не знаю, как не понимаю, какую государственную цель преследовали грузинские политики, обездоливая несчастное греческое население за счет выселяющихся?

После выхода моего из тюрьмы я жил в Тифлисе уже около двух месяцев и решил, наконец, возвратиться в Сухум. Но для возвращения нужно было соблюсти известный порядок: нужно было ходатайствовать перед грузинскими властями о разрешении на выезд. Я же не хотел к кому-либо с этим обращаться. Я заявил Н.Д. Соколову, что намерен уехать без спросу – надоело жить в Тифлисе – и для того, чтобы он, как поручитель за меня, не ответил перед властями за мой самовольный выезд, я предложил ему, зная, конечно, что он никогда этого не сделает, подать по начальству рапорт, что он от поручительства за меня отказывается. Если бы я самовольно уехал, что серьезно задумал сделать, то на судьбе Н.Д. Соколова это ничем бы

не отразилось. Максимум, что было бы – это меня вновь арестовали бы в Сухуме и вернули в Тифлис. Но и этого я не боялся, предполагая, что на это власть грузинская не пойдет. Чего наговорил Соколов грузинскому начальству, я не знаю, но он передал мне, что уехать из Тифлиса я могу невозбранно. Не хотел просить разрешения на выезд и художник Шервашидзе. В то время по делам службы приехал из Сухума в Тифлис генерал-губернатор Сухумского округа Чхиквишвили. И вот устроили печальную встречу в Министерстве Внутр. Дел Шервашидзе, куда он был вызван, с Чхиквишвили, который поспешил объявить ему, когда последний не успел еще и рта раскрыть, что он, генерал-губернатор, разрешает ему вернуться в Сухум. По правилам это зависело от него. Так охранялся престиж власти в Грузии.

Уезжая, я подал Грузинскому Правительству заявление о том, чтобы оно возместило мне убытки по проживанию моему против воли в Тифлисе в продолжении двух месяцев. Мне на это ничего не ответили. Однако я подал заявление не ради шутки. Обстоятельства складывались так, что Грузии приходилось остановиться на вопросе о признании правительства Деникина, который в то время победоносно воевал с большевиками. Грузинская же власть была всегда склонна кланяться тому, кто, по их мнению, в данный момент силен. В политике весьма много значат своевременные поклоны. Это и называется разумной реальной политикой. Таким политиком и

был Н.Рамишвили. Но из этого не следует, что применять в политике должно только один этот лакейский прием. Серьезный, уважающий себя политик, не должен на это идти. Я заметил некоторое предупредительное со мной обращение того же Рамишвили, когда Деникин был в успехе. Но...!

♦ ♦ ♦

Пришлось мне хлопотать и о судьбе сидевшего в тюрьме прис. пов. Лукьянова. Его положение имело некоторые особенности. Он служил во время войны при русской армии на Кавказе. В революционное время он был избран от какой-то воинской части представителем в Тифлисский Совет рабочих и солдатских депутатов. Там он работал под руководством Н.Жордания, который, если я не ошибаюсь, в то время уже был председателем Совета. Словом, Жордания знал очень хорошо Лукьянова, знал, что он давно принадлежит к партии с.д., в которой и сам состоял, и что, следовательно, реакционером он никак не может считаться. Во всяком случае Лукьянов имел право требовать к себе бережного отношения. В тюрьму же Лукьянов попал в качестве именно контр-революционера. Он просил меня, как-нибудь добиться от Жордания, чтобы он его освободил. Указал он мне и на то, что секретарь Тифлисского Совета раб. и солд. депутатов (фамилию его забыл) знает его очень хорошо и что посему недурно и с ним потолковать о его судьбе. Не помню почему (кажет-

ся Н.Д. Соколов по моей просьбе взялся переговорить о Лукьянове с Жордания), но к Жордания я не обращался, а с секретарем повидался. Последний сказал мне между прочим следующее: «я говорил с Жордания, но не думаю, чтобы из этого вышел какой-нибудь толк. Совет рабочих и солдатских депутатов в Грузии ныне абсолютно не играет никакой роли; решает все парламент и правительство. Совет существует по инерции. Лукьянов может рассчитывать на освобождение, только хлопоча в Министерстве Внутр. Дел». Лукьянов был посажен в тюрьму совершенно [за] здорово-живешь; он не имел ровно никакого отношения ни к абхазским, ни к грузинским делам. Пострадал он только за то, что был русский и любил, походя, ругнуть грузин, к которым не относился с симпатией. Ему за это отомстили. Политической деятельностью он вообще в последнее время не занимался; стоял от нее далеко и только формально числился в партии социал-демократов. Точка зрения, высказанная мне секретарем Совета рабочих и солд. деп., об общественном значении Совета в Грузии являлось отголоском того, что говорили о нем в Парламенте Церетели и Жордания. Заслуга Церетели, что в этом отношении он поставил все точки над «I», хотя Грузинская власть продолжала пользоваться его авторитетом для выступлений, когда нужно было вызывать пролетариат на поверхность политической жизни Грузии. Существование Совета рабоч. и солд. деп. как-будто служило преградой для агрессивных действий большевиков

по отношению к Грузии. Само собою разумеется Совет делал только то, что приказывал ему Жордания, состоявший его председателем. Совет существовал, конечно, на средства грузинской казны. Выступления Совета всегда сопровождались особым торжеством – музыкой, парадом войск, речами (что само собою разумеется) и красными знаменами. На двух же красовались портреты Н. Жордания и столь не нравящаяся сэру Уэльсу своей бородой голова К. Маркса. Что сэру Уэльсу могла не понравиться борода К. Маркса – вполне естественно, ибо почти все англичане или бреют усы и бороды или носят только усы и разве маленькую бородку. Но нас русских бородой не удивишь! К большим бородам нас приучили крестьяне, купцы и попы. Однако, я не понимаю, как Уэльс оставил в покое прическу К.Маркса. Таковую прическу – зачесывать волосы вверх вокруг плешивой головы мог носить лишь тот, кто боится, что его не заметят в толпе. Эта прическа – рекламного характера. Нелепый портрет К. Маркса на фоне красного знамени во всех случаях таскали по Тифлису. Он не мне одному надоел.

♦ ♦ ♦

В ближайшие дни после выпуска меня из тюрьмы я встретил на улице старшего председателя Тифлисской Суд. Палаты Мелиева. Судью Мелиева преследовали при министре юстиции Щегловитове, как человек, самостоятельность мнений которого не поддавалась давлению из-

вне. Это был отличнейший судья, живой человек, пользовавшийся при том всеобщим расположением. При Временном Правительстве его выдвинули вперед, т.е. сделали то, что требовала справедливость. Мелиев выразил сердечное удовольствие, встретив меня, пригласив к себе и познакомил со всею семьею. Все это сопровождалось по грузинскому обычаю необыкновенным радушием и хлебосольством. Вспоминаю об этом потому, что приглашал меня к себе, Русского и еще находившегося в опале у грузинского правительства, Мелиев до известной степени рисковал своей карьерой. Самостоятельность взглядов Мелиева не пришлась по вкусу и в Тифлисе, как об этом можно было судить впоследствии. Мне приятно вспоминать о встрече с Мелиевым еще и потому, что такие встречи, а их было в разное время несколько, показывали хорошие отношения судебных чинов к центральной судебной власти Временного Правительства. Были при том встречи и с лицами, которые не могли особенно радоваться встречи со мной, как лицом формально прекратившем служебную карьеру. Помню такой случай в том же Тифлисе. Как я говорил, я читал доклад в Тифлисском Русском Национальном Совете. В залу заседания я пришел довольно рано. Ко мне подошел высокий плотный старик и попросил расписаться на листе для записи прибывших. Я написал свою фамилию. Господин отошел от меня, но через несколько минут возвратился и спросил – «не тот ли я – Демьянов, кото-

рый был директором 2-го Департамента Министерства Юстиции при Временном Правительстве?». Я сказал – я самый и есть. «Вы меня принудили покинуть службу. Я такой-то». Все это было сказано очень мрачным тоном, кратко и спокойно. Я спросил – за что он уволен, прибавив, что «мы очень осторожно относились к вопросу об увольнении со службы и только в исключительных случаях просили подать прошение об отставке». Старик также просто и кратко ответил – «за жестокость». Он меня заинтересовал и я потом узнал, что этот бывший член Палаты действительно всех решительно осуждал, имевших несчастье судиться под его председательством, безразлично по политическим делам или обыкновенным уголовным. Снисхождения он вообще не признавал. Для него «раз попался» значит виноват. Его увольнения требовала вся местная адвокатура, но и среди сослуживцев он не нашел заступничества. Должен прибавить, что при данной встрече со стороны этого бывшего члена Судебной палаты не было высказано враждебных чувств к бывшей власти его изгнавшей. Встречаясь затем со мною, мы всегда дружелюбно и мирно с ним беседовали. Он рассказал мне, как он живет, из кого состоит его семья и что они все вместе зарабатывают. Я был очень рад, что Тифлисский Русский Нац. Совет пригласил этого старика к себе на службу. Не посчитались со старыми его грехами и дали ему, хотя и не Бог весть какие, но все же кров и пищу.

♦ ♦ ♦

Итак я вернулся в Сухум.

В Сухумский округ, как я уже говорил, был назначен генерал-губернатором г. Чхиквишвили, который при первой встрече с ним произвел на меня хорошее впечатление. Он был тогда Сухумским городским головою. Впервые я его увидел в русском соборе на панихиде по Кокошкине и Шингареве. В церкви в стороне, у окна стоял господин высокого роста, задумчивый, серьезный и бородатый. К Чхиквишвили тогда относились с уважением. Верили в него. Изменился ли он с тех пор? Думаю, что нет, а просто был в отношении его некоторый недосмотр. Теперь у Чхиквишвили – генерал-губернатора, стало первой заботой показать себя до последней степени деятельным, энергичным, во всех обстоятельствах находчивым. Задерживающих центров у него уже к этому времени не осталось никаких, если они раньше были. Например, выстрелить из револьвера в потолок, чтобы обратить на себя внимание, ему уже ровно ничего не стоило. Он уже не спал по ночам. Всегда ему нужно было о чем-то распорядиться ночью, а что нужно – неизвестно. Трудился, может быть, для того, чтобы показать свое недреманное око. Я уверен, что ему доставляло громадное удовольствие скакать ночью, сломя голову, хотя бы и зря, по городу. Если бы для генерал-губернаторов существовала у грузин обязательная форма с каской на голове, пожарной или римского легионера (это все-равно), то для него это

было бы подарком судьбы. Само собою разумеется «этот серьезный, бородатый господин», получив официальное назначение, стал одеваться с иголки по образцу Тифлисской бюрократии. У него оказалась масса костюмов. Это – для престижа! Одевался так, чтобы показать свою молодцеватость. Я не мог равнодушно смотреть на его обувь. У него были действительно прекрасные желтые сапоги английского образца; они шнуровались до колен. Сапоги с внешней стороны были образцовыми и при такой же шнуровке. Сколько времени, думал я, тратит генерал-губ. на свою обувь в день. Ведь, если ему нужно в день несколько раз переодеться и переобуться (на самом деле, так и происходило), то на это понадобится не один добрый час! Выдвинутый на верхи администрации Чхиквишвили возомнил о себе. Я уверен, что он считал себя вполне способным хватать с неба звезды. Девизом его деятельности было проявление энергии <...>. Это был Ной Рамишвили в малом масштабе – с меньшим умом, меньшим размахом и с меньшим кругом фантазии. А образованы они оба были одинаково и одинаково скверно. Чхиквишвили был одним из самых нелепейших людей, каких я когда-либо встречал. В одном Чхиквишвили не был виноват – в том, что его призвали к власти и что его от службы в свое время не отставили. Вот пример его деятельности: он выслал из Сухума доктора Спиранти, председателя Греческого Национального Совета (за здорово живешь, конечно, и в угоду грузинофила грека док-

тора Пашалиди), причем в своем постановлении о высылке определил – запретить доктору Спиранти подавать просьбы о помиловании. Такова была мудрая его предусмотрительность. Предвидимые возможности. На беду Чхиквишвили док. Спиранти был официальным представителем Греции в Сухуме и его немедленно возвратили обратно по распоряжению центральной власти, не хотевшей заводить ссору с Грецией.

В Сухуме был свой по образцу Тифлиского Русского Национального Совета, о чем я мельком уже упоминал. Организован он был еще до моего ареста. Председателем Совета был избран присяжный. пов. Лукьянов, который много по этому делу хлопотал; товарищем же председателя – я. Выборы в Совет производились применительно к порядку всеобщего, равного, прямого и тайного голосования всей русской колонией. Конечно, Чхиквишвили немедленно стал во враждебные отношения к Русскому нац. Совету. Для этого не было надобности, чтобы Совет отрицательно себя проявил по отношению к грузинам. Совет был Русский и этого было достаточно, чтобы грузинские власти стали против него. Толчок к этому был дан из Тифлиса, где центральная Грузинская власть стала преследовать тамошний русский нац. Совет. Тифлисский Совет одним своим существованием был бельмом на глазах у грузин. Он напоминал, что есть кто-то готовый

защищать Русские интересы в Закавказье. А Русские интересы очень в этом нуждались. И Русским национальным Советам действительно приходилось и не редко становиться на защиту этих интересов, попираемых грузинами чуть ли не походя. Русский нац. Совет в Сухуме пользовался большой популярностью среди населения. Свести на нет его значение можно было только дискредитированием в глазах этого населения. Но сделать это было нелегко, ибо все русское население привлекалось к его выборам и к выбору его исполнительного органа – русской национальной Управы. Русские рыбаки и рабочие, принадлежавшие к соц.-дем. партии, т.е. близкие по партийной принадлежности к грузинам, были единственным элементом, годным для агитации против русского Совета. Но и их без обману нелегко было свести с пути истины. Грузинские демагоги, как и их старшие братья – большевики, не любили стесняться в приемах борьбы и в качестве меры прибегли к трафаретному приему, обвинив Совет в контр-революционности; они стали уверять рабочих, что русский национальный Совет состоит из одних только буржуев, стремится к осуществлению задач, ничего общего не имеющих с демократией, что они – эти буржуи ярые правые, которые защищают только правых, а о левых нисколько не заботятся. Во главе этих пропагандистов стал Ис. Ив. Рамишвили и иже с ним, а также принятые в лоно соц.-дем. грузинской партии по городу Сухуму некоторые беженцы из Сочи, избегавшие встре-

чи с Деникинскими войсками, а, может быть, и с зелеными, многие достоверные большевики, о чем хорошо было известно сухумским грузинским властям. Было устроено особое собрание русских рабочих и рыбаков, в котором приняло участие Ис. Ив. Рамишвили в качестве почетного гостя и указанные выше сочинцы. Здесь рабочим объяснили, что представляет из себя Русский национальный Совет с их, пропагандистов, точки зрения. Его безапелляционно объявили за давно всем известный еще при старом режиме союз Русского народа. Внушали, что он избран неправильно, что будто бы рабочие к избранию его не были допущены, и что вообще он опасен и что его нужно так или иначе ликвидировать и избрать новый. А Ис. Ив. авторитетно заявил в Собрании, что ему лично и документально известно, что в Совете сидят определенные монархисты. Что значило слово «документально»? В Русском Совете был такой порядок; когда доходило до него известие, что тот или иной русский, безразлично к какой бы партии он ни принадлежал, был арестован или высылался грузинской властью из пределов Абхазии, то русский Совет немедленно запрашивал генерал-губернатора о причинах административной меры. Рамишвили знал, что Совет запросил о высылке полковника Турчанинова, представителя в Сухуме деникинской армии, жившего в Сухуме с ведома грузинских властей, и полковника Шатилова, у которого была найдена переписка с каким-то великим князем. Этот запрос о Турчанино-

ве и Шатилове и был сочтен тем документом, который устанавливал монархизм Совета. Рамишвили скрыл, конечно, от рабочих, что от Совета были запросы и тогда, когда высылался кто-либо из рабочих, будь он даже большевиком. Целью созыва рабочих было добиться, во что бы то ни стало, разгона Русского Национального Совета. Ждали скандала, который дал бы грузинской власти повод к закрытию Совета. Но русские рабочие не имели почвы для эксцессов. Они решили сперва избрать особую делегацию в Совет и поручить ей ознакомиться с его деятельностью. Гора, однако, родила мышь. Делегаты несомненно большевистского направления, ничего не нашли в деятельности Совета, что могло бы ему быть поставленным в вину. К делам Совета их не допустили, ибо это была не ревизионная комиссия, но пригласили присутствовать на заседании Совета, происходившие всегда публично. Этого приема оказалось совершенно достаточно для успокоения страстей. На этом дело с рабочими и кончилось.

С таким явно провокационным способом борьбы с Советом, последний не пожелал примириться. Нужно было такое действие остановить. Национальный Совет постановил – снестись по поводу нападок на него с Русским Тифлисским Национальным Советом и по этому делу (и по другим текущим) послать в Тифлис делегата. Делегатом этим был избран я. Я составил на имя Русс. Тиф. Нац. Совета подробную записку о том, что происходило в Су-

хуме, как происходило собрание рабочих, что на нем говорили и прочая, и какие из сего надлежит сделать выводы. Действия Ис. Ив. Рамишвили я квалифицировал, как преступные; я объяснял, что он преследует цель возбуждения розни среди различных слоев русского населения. Имелось в виду, что мой доклад будет передан в копии от имени Тифлисского Нац. Совета Нову Жордания, как главе Грузинского Правительства. В Тифлисе я попал, как раз к тому времени, когда в Тифлиском уголовном суде закончился процесс русского инженера N (фамилию этого замечательного человека к моему глубокому сожалению я не запомнил) обвинявшегося во взрыве железнодорожного моста по линии Тифлис – Поти (так кажется). Он этого обстоятельства на суде не отрицал. Процесс происходил во время политических осложнений между Грузией и Арменией¹, когда немцы уже с Кавказа были изгнаны и там воцарились англичане. Инженера N стали обвинять в сношении с армянами и предали суду с каким-то жалким армянином, якобы его сообщником из партии дашнакцуютю. N, оказавшийся прекрасным оратором, вел себя на суде мужественно и откровенно. Он объяснял с открытым сердцем, что взрыв моста им был произведен с целью не дать немцам возможность вывезти из Грузии богатые

¹ «Двухнедельная» армяно–грузинская война (7–25 декабря 1918 г.), спровоцированная англичанами, из-за территориального спора по приграничным районам Ахалкалаки и Борчалю (Северное Лори).

военные и другие припасы, что он действовал с ведома английских агентов. Но честная, искренняя речь N не повлияла ни на судей, ни на присутствовавшую в судебном заседании грузинскую публику. Слова N встречались открыто враждебно, с каким-то цинизмом, с недоверием к их правде, и кто так угнетающе подействовал на N, что он отказался давать какие-либо дальнейшие объяснения по делу – делайте, что хотите! Подробности по делу: защита ходатайствовала об отложении судебного заседания для вызова двух свидетелей англичан, которые знали от самого N о цели взрыва моста, но так как, с одной стороны, это грозило отложением дела на сравнительно долгий срок, а, с другой, имелись какие-то частные сведения о том, что один из свидетелей англичан убит большевиками во Владикавказе, а другого надо еще искать, то суд без проверки этих данных, не исчерпав всех средств защиты подсудимого, отказал защите в ее ходатайстве. Суд пошел навстречу настроению толпы, требовавшей виновного во взрыве моста, который должен быть непременно врагом Грузии, и против всякой очевидности признал N действовавшим в пользу армян и приговорил его к смертной казни. Армянина же, хотя и дашнакцакана, за отсутствием каких-либо улик оправдал. К сказанному можно прибавить, что благодаря взрыву моста немцам действительно не удалось вывезти из Грузии намеченное ими к вывозу имущество. Надо даже полагать, что оно досталось грузинам и обогатило их.

Председатель Тифл. Рус. Н. Совета Лебедев, по постановлению Совета, должен был посетить Жордания и ходатайствовать от имени Совета об отмене для N смертной казни. В сущности говоря, это ходатайство имело, пожалуй, только формальное значение. Было уже почти достоверно известно, что английские власти не допустят ее применения. Ходил даже совершенно определенный слух, что грузинское правительство добивалось у англичан возможности поставить дело N на суде с тем, что, если суд приговорит его к смертной казни, то в порядке его помилования не применять ее. Однако ж утверждать правильность этого слуха я не берусь.

Лебедев решил – ходатайство Тифл. Рус. Нац. Совета о помиловании N и жалобу Сухумского Н.С., содержание которой он одобрял, подать Гегечкори, заменявшему тогда Жордания, одновременно и с тем, что мы оба являемся поддерживать наши домогательства. Когда мы оба были уже во дворце, где помещается Совет Министров, я встретил депутата Топуридзе, который спросил меня, какова цель моего прихода во дворец. Я объяснил, что иду на прием к Гегечкори по очень интересному делу с жалобой на Ис. Ив. Рамишвили, и что, если он интересуется делом, то пусть он присутствует при его докладе. Топуридзе, очевидно, заинтересовался и, когда я и Лебедев вошли в Кабинет к Гегечкори, то нашли там и Топуридзе, и Министра земледелия Хомерики. Еще раньше Лебедев просил меня пустить дело инженера N первым, «а то

Ваша жалоба на Ис. Ив. Рамишвили раздражит Гегечкори и наше ходатайство будет встречено недружелюбно». Я, конечно, согласился. С дела N наш доклад и начался. К удивлению, ходатайство о помиловании N встретило со стороны Гегечкори не только недоброжелательное отношение, но неожиданно для нас гнев с его стороны, иначе назвать нельзя. Гегечкори вдруг стал медно-красным. Не знаю, какая муха его тогда укусила, но он наговорил нам при этом кучу ни с чем несообразных вещей. Он заявил, что такая просьба есть вмешательство Русского Совета во внутренние дела Грузии, что он этого никогда не потерпит и что не примет прошения Тифлисского Совета. Сначала Лебедев, а потом и я, стали убеждать Гегечкори, что просьба о помиловании есть только просьба и больше ничего, что подобного рода ходатайства до сего времени, с чьей бы стороны не исходили, никогда, нигде и никем не квалифицировали как вмешательство в управление страной, что даже царское правительство не смотрело косо на подобные ходатайства и что это обстоятельство должно быть ему, Гегечкори, известно, как бывшему присяжному поверенному, которому, вероятно, не раз приходилось прибегать к таким ходатайствам. Гегечкори однако стоял на своем и повторил, что прошения Русского Совета он ни в каком случае не примет и даже отстранил его от себя в сторону Лебедева. Тогда Лебедев заявил ему, что если это прошение не будет им принято, то оно будет отослано грузинскому правительству почтой. Гегечкори

– «я его отошлю обратно». «Как Вам угодно» ответил Лебедев, но в Совете оно будет отмечено посланным». На этом препирательства Гегечкори с Лебедевым кончились. Я перешел к своему докладу, который мог раздражить Гегечкори – об Ис. Ив. Рамишвили. Когда при своем докладе я назвал поведение Рамишвили – чиновника грузинского правительства «гнусным», то Гегечкори вторично сделался красным, как рак, но на этот раз может быть, не от гнева. Он только заметил мне – «Александр Алексеевич, Вы сами были у власти, как же Вы можете говорить другому представителю власти, что государственные чиновники совершают гнусности». Я объяснил, что вообще чиновников грузинского правительства я ни в чем не обвинял, что обвиняю одно определенное лицо – чиновника Ис. Ив. Рамишвили, поведение которого ничем оправдать нельзя. Затем я прибавил, не желая его дальше раздражать, что считаю свои объяснения по делу законченными, подробности же изложены в моей записке, с которой и прошу его ознакомиться. Гегечкори – «я Вашу жалобу пробежал глазами; в ней еще больше разностей, чем в словах». Попрошались мы однако с ним любезно и Гегечкори обещал дать моей жалобе ход. Ход этот и был ей дан – под сукно! Я думаю, что моя жалоба все-таки имела кой-какие результаты и вот какие: Ис. Рамишвили никогда не пользовался репутацией человека тонкого ума, но он в конце-концов перестал пользоваться и репутацией человека с тактом. В правильности оценки лич-

ности Ис. Рамишвили среди его однопартийников, может быть, и моя крупница имеется. Что касается Гегечкори, то излишняя его горячность в беседе с Лебедевым и со мной, должна быть объяснена, как я думаю, потому, что при нашем свидании с ним присутствовали двое его товарищей, перед которыми он, вероятно, хотел показать себя человеком, умеющим, когда следует, осаживать неугодных ему просителей и ограждать престиж власти. Ограждение вышло однако не вполне удачным. После подачи своей записки я возвратился в Сухум.

В годовщину русской революции, т.е. 27 февраля [1919 г.] я прочитал в Сухумском Рус. Нац. Сов. доклад о добровольческом движении. На заседании было много публики, но пришли исключительно русские. Но все-таки от грузинских соц. дем. были командированы двое лиц, один сотрудник местной газеты, поддерживавший грузинскую партию, а другой русский, член Абхазского Нар. Совета некий Королев тоже ярый грузинофил, совершенно передавшийся на сторону грузин до забвения всего русского. Цель командировки была не оставлять моего доклада без возражения. В докладе своем я приветствовал добровольческое движение и армию, которую никоим образом контр-революционной не считал. Возражая мне, сотрудник газеты признал, что я объективно передал о том, какова добровольческая армия, оспаривал же он

лишь мои выводы – я ждал от движения успеха, он его не ждал. Подробности того, что делалось в добровольческой армии до Сухума не доходили, те подробности, которые уничтожили дух движения армии и его погубили. Признание моего доклада объективным сотруднику газеты грузинофилу никак с.д. партия не могла простить. Это и заслуживает упоминания.

♦ ♦ ♦

При мне в Сухуме по распоряжению грузинской центральной власти была образована комиссия для выработки порядка избрания членов Абхазского Народного Совета, согласно закону, изданному грузинским правительством, а также гласных земства, вводимых в Абхазии тем же порядком. Я был приглашен к участию в работах этой комиссии в качестве представителя Русс. Нац. Совета. По поручению Национального Совета я сделал в заседании комиссии по поводу выборов гласных в земстве следующее приблизительно заявление – введение земства в Абхазии во всяком случае есть дело самой Абхазии, ее прерогатива, а не грузинской власти. Торопиться же с введением земства даже с чисто грузинской точки зрения не имеет надобности, так как мы накануне избрания Абхазского Народного Совета, на которого и ляжет эта забота о введении в Абхазии земства. Далее я заявил, что я не приму участия в работе, если моя точка зрения не будет комиссией принята. Боже мой, какое негодование я

возбудил своим заявлением в комиссии! Между прочим в этой комиссии не принимал участия ни один абхазец по выбору последних. Они этой комиссии признавать не хотели. Чхиквишвили вышел из себя. Когда я уходил, как мне затем передавали, Чхиквишвили крикнул мне в догонку – идите жаловаться Деникину.

♦ ♦ ♦

Своим отношением к изданию Грузинскими властями законов для Абхазии, я нажил себе очень много врагов. Был у меня знакомый офицер-абхазец, друживший со мной, но имевший какие-то коммерческие дела с местными грузинскими властями. Он неоднократно мне говорил – «не ходите один по Сухуму, в особенности по вечерам – могут убить. Как Вы можете так рисковать собой; на Вас более чем косо смотрят». Я не то, что не боялся этой угрозы, а мне просто в голову не приходило задумываться над этим и пропускал предупреждения мимо уха. Между тем, по городу в разное время ходило два списка лиц, которых подлежало будто-бы убить за их враждебность к Грузии. Мое имя стояло в обоих. Однако, надо признать и то, что я не знаю ни одного случая в мое время убийства политического или вернее полуполитического. Больше играли в угрозу.

♦ ♦ ♦

Время подходило к выборам в Абхазский Народный Совет. Те абхазцы, которые стояли за самостоятельность

Абхазии, т.е. против Грузии, были против участия в выборах в Совет. Таких было большинство и посему решено – выборы эти бойкотировать. Между противниками выборов упорнейшим был В.К.Шервашидзе, в то время лежавший больным в Тифлисе. Влиятельный абхазец инженер Какуба держался другой точки зрения, но оказался в меньшинстве. Но уже, когда дело стало подходить совсем близко к выборам, распространилась вдруг уверенность среди бойкотирующих, что если б наша группа (национальная-абхазская) не стала отказываться от участия в выборах, то она могла бы оказаться в Совете в большинстве. Это окрылило абхазцев и было решено – в выборах участие принять. Но решение это было принято поздновато, настолько поздно, что не успели предупредить об этом все население, знавшее прежнее решение. Между тем выборная компания со стороны грузин велась не только самым энергичным образом, но и с точки зрения морали самым беззастенчивым способом, чисто по-американски – с обливанием своих противников помоями, чуть ли не площадною бранью, правда, не называя имен, когда эта ругань печаталась в плакатах, и, само собою разумеется, не стесняясь клеветой. Абхазская партия решила – в ответ грузинам выпустить свою выборную прокламацию. Эта прокламация со смелым текстом была для них выработана. Содержанием ее абхазцы, стоявшие во главе выборной компании, левые по направлению, остались очень довольны, благодарили составителей и понесли ее

в печать, но по дороге раздумали ее публиковать. Испугались ответственности. Самым осторожным из всех оказался Алания, который очень дорожил своим маленьким местом в Сухумском отделении государственного банка и боялся его потерять. Между тем абхазское население, не имело точных сведений о том, что нужно делать, не знало бойкотировать выборы или нет, но там, где были выборы, они были в пользу абхазцев независимых. Выборный список абхазской группы был составлен в Сухуме. Кандидатами в члены Абхазского Народного Совета были намечены только одни абхазцы; исключение составляло только одно мое имя. В списке одним из первых стояло имя очень популярного большевика [Нестора] Лакобы. Я заявил, чтобы мое имя из списка вычеркнули, так как не желаю фигурировать в одном списке с большевиком. Не знаю, чем бы дело кончилось, но Лакобу сами власти из списка вычеркнули, как привлеченного к уголовной ответственности (между прочим, я не помню, за что его привлекали, но зазорного он ничего не совершал), что разрешило вопрос, и я согласился баллотироваться. В кандидатском списке стояли также имена правых абхазцев. Это были инженер Какубава, числящийся формально в народно-социалистической партии, я по тем же основаниям, кн. Вл. К. Шервашидзе, стремившийся создать свою крестьянскую партию, и действительно правый кн. Чхотуа.

Результаты выборов были таковы: на 40 мест членов Абхазского Народного Совета чистых независимых аб-

хазцев, по нашему списку за № 8 прошло только 7 человек, в том числе и я. Остальные составляли – грузины, греки, армяне и небольшое число абхазцев, друживших с грузинами и числившихся в соц.дем. партии. Попало в Совет несколько с.р. работавших за одно с соц.дем. грузинами, тоже грузины и один или два беспартийных, в их числе один эстонец¹. Таким образом Совет разделился на два враждебных лагеря: независимая абхазская группа в 7 человек – против 30 остальных. Трое остались вне этой группировки. Для составления оппозиции грузинскому большинству, чтобы голос народа не был заглушен и семерых в Совете было вполне достаточно.

Было решено нашей группе при открытии Совета выпустить свою декларацию. Декларацию поручили написать мне, а прочитать ее в заседании Совета инженеру Какубава. Я таковую составил с изложением мотивов наших требований, а сами требования – их было немалое количество – изложил по пунктам. Казалось бы, такая программа, единогласно принятая всей группой и всеми одобренная, и то, что все прошли по одному списку, должна спаять группу между собою. Однако вышло нечто странное и вместе с тем, пожалуй, обычное в политической жизни всех наций. Программу приняли, обязались все строго держаться намеченных путей, также призна-

¹ Депутат АНС от эстонской общины Август Мартин.

ли необходимым по поводу всех выступлений в Совете совещаться между собою, однако в самом Совете левые никак не захотели сидеть рядом с правыми и образовали в нем без всякой нужды (нужда требовала как раз обратного) две фракции, которые на деле никогда почти врозь не совещались. Боязнь наших левых, что их могут смешать с правыми была настолько велика, что они решили отсесть в самом Совете от нас, правых, как можно дальше, и тем подчеркнуть свою политическую от нас обособленность. Я, конечно, не стал уговаривать левых не поступать так, но Какубава был в большом негодовании за этот их шаг. Однако, ссориться с ними не хотел по политическим соображениям. Мне, Какубава и кн. Чхотуга пришлось занять крайние правые скамьи. Такова ирония судьбы! Но лично для меня это было совершенно безразлично. Фактически левые абхазцы от этого церемониального рассаживания группы по разным углам ничего не приобрели, а много потеряли, так как не всегда мы успевали сговориться об общих тактических шагах в Совете. Враждебная нам сторона в Совете нашу группу однако на двое не раскалывали и рассаживанье в этом не помогло и всех нас совершенно правильно называли группой № 8. Левые ничего не выиграли и по существу. Им не верили в их самостоятельность и все время дразнили тем, что они в нашем подчинении и даже тем, что они цыплята, а я их насадка. Все это было полным вздором, но говорилось с целью добиться фактического нашего раскола. Но группа

твердо держалась намеченной программы. Не подлежит однако сомнению, что левые абхазцы до некоторой степени страдали от того, что я не весь их, что у меня симпатии к Деникину, к Уфимской Директории.

Вся наша группа прошла по списку внепартийному. Я мало интересовался, к какой партии каждый из стоявших в нашем списке принадлежал. Я знал, что мои товарищи искренне борются за интересы маленькой и дорогой им родины, что они не хотят поглощения свободной Абхазии Грузией, потому что это поглощение грозило Абхазии потерей не только ее политической самостоятельности, но ставило ее в полную экономическую зависимость от Грузии. Абхазию нужно было защищать. Между тем из всего состава Абхазского Нар. Совета только избранники по списку № 8 могли стать этими защитниками. Посему ко всем независимым абхазцам в Совете я относился с глубокой симпатией и мне приятно было работать вместе с ними. Из всего состава Совета только наша группа пользовалась доверием населения, на остальных членов Совета оно смотрело, как на своих врагов. Это создало нашей группе в Совете особое положение – с нами очень считались, хотя на нас и сердились. В свое время левые члены группы № 8 объявили себя левыми эсерами. И все эти лица, как теперь слышал, «заделались» большевиками. Допускаю, что иначе им было трудно поступить. На это их толкало много причин. Как представители Абхазского народа, они только этим путем могли во время

большевизма на Кавказе стать во главе или близко к главенству над народом и защищать его и во-вторых, только этим путем они добились того, что свергнули нетерпимое для них иго грузин. Они долго ждали появления в крае большевиков только ради этой цели и я слышал впоследствии и стороной, что некоторые из них вели с большевиками закулисные шашни, иначе нельзя назвать их заигрывания с большевиками. «Какие мы большевики, говорил мне один видный абхазский большевик, когда я встретился с ним уже изгнанный из Грузии; мы не хотим грузин, но с Вами всегда сталкиваемся».

Абхазия попала из огня, да в полымя. Но ведь тогда еще не все знали большевиков, какова их суть. С большевиками подобные же шашни вели и грузинские власти, когда думали при помощи большевиков отделаться от Деникина или, например, в маленьком деле избавиться от Русск. Нац. Совета в Сухуме.

Вновь избранный Абхазский Народный Совет открыт был с большой помпой. Отвели для этого театр Алоизи. Сухум – небольшой городок и открытие в нем Абхазского Совета было событием крупным. Театр был переполнен. Для публики самым интересным моментом было выступление Какубава с его программной речью. Всему городу было известно, что его речь – голос оппозиции в Совете. Его речь была встречена большинством Совета

не только явно враждебно, но с ненавистью. Все пункты программы (неизвестно только почему прочитанные Какубавой, как одно целое, от чего ясность программы значительно потускнела) вызвали с места чуть-ли не крики негодования. Но Какубава мог быть утешен: через несколько дней он был самым популярным человеком в Абхазии. Население стало видеть в нем своего защитника к некоторой досаде его левых товарищей, не ожидавших, что первое выступление в Совете от группы могло иметь кроме всего и личное значение для выступавшего. Конечно, речь Какубава имела сама по себе в Абхазии огромное политическое значение агитационного характера. Но группа наша не воспользовалась благоприятным для нее моментом: она ничего не сделала в смысле распространения своих идей, не издала этой речи для раздачи народу, не напечатала даже своей программы. А почему? Никто не хотел жертвовать частью своего жалованья, как члена Совета, на общие политические интересы.

Неоднократно я убеждал группу в необходимости делать отчисления из жалованья, но слова мои были впустую. Мне хотелось изредка издавать от нашей группы род листовок, печатая в нем ход работы в Совете с необходимыми комментариями от нашей группы. Помню, были по этому не раз совещания, даже делались какие-то сметные исчисления и каждый раз такое совещание кончалось ничем. Но всегда при этом указывалось, что кто-то обещал для этой цели какие-то суммы. Словом с

членами нашей группы, как с политическими деятелями, кашу сварить было трудно. Деятели эти были вообще в достаточной степени ленивы и неумелы. Но ссориться между собою – это они умели. Очень заботились о себе, о своем личном благополучии. Из всех членов группы я вспоминаю только одного, который на свои политические обязанности смотрел серьезно, принципиально, заботясь об интересах дела. Он работал над собою, над своею речью, много читал и в отношении слова сумел достигнуть некоторых положительных результатов. О Какубаве, как инженере, ходили слухи не особенно для него лестные. Деятельности по этой области я совершенно не знаю и с этой стороны не намерен его ни обвинять, ни обелять. Но на его отрицательную служебную деятельность постоянно делали всякого рода намеки его противники в Совете. Он не оставлял намеков без ответа и в том же духе, от чего в Совете происходила необычайная перепалка. Невоздержанность его на язык была прямо непозволительной. Но, говоря о политической деятельности Какубава, нельзя [не] отметить, что она была безукоризненной и не мешало бы многим так относиться к своим общественным обязанностям, как относился к ним член Совета Какубава.

♦ ♦ ♦

Те абхазцы, сидевшие в Совете, которые примазались к грузинским властям, вскоре почувствовали, что почва из-под их ног уходит и почуввав шаткость своего положе-

ния, стали сначала закулисно, а за этим и открыто идти с нами в ногу. Силы наши увеличились вдвое¹. На стороне грузинской партии осталось два или три как-будто преданных им абхаза, но и те – нет, нет, да и делали в нашу сторону перелеты. Таким образом грузинское большинство в Народном Совете образовало обособленную чисто грузинскую группу, абсолютно изолированную от абхазского населения. Это лишило их в конце-концов окончательного авторитета и возможности официально ссылаться на то, что они представляют собою истинную Абхазию. Можно себе представить как их это тревожило и гневало.

Я был избран Советом в мандатную комиссию. Я внимательно изучил выборный материал. Нарушений выборного закона было – не перечесать. Следов же уголовщины дела по выборам, конечно, не сохранили, но они были прозрачны. Вся выборная процедура велась исключительно ставленниками грузинской власти и, разумеется, мало-мальски подозрительное с точки зрения уголовной, в протоколы не попало. Но юридического характера нарушений скрыть было невозможно. Все они легко обнаружались. Вот примеры. По выборному закону требуется (условие *Sine qua non*²) публичное выставление

¹ Осенью 1919 г. ряды меньшевистской партии покинули: Мих. Тарнава, А. Чукбар, Д. Дзкуя, К. Барциц, Д. Базба, Г. Кобашия. Они перешли на сторону абхазских «независимцев».

² Обязательное условие, при отсутствии которого желаемый результат не наступит.

в известный срок до производства выборов выборных списков. А как их выставить, когда их никто своевременно или даже вовсе не составлял!!

И выходили отсюда необыкновенные курьезы. Согласно выборным протоколам в некоторых выборных участках участвовали в голосовании сто процентов населения. Такое поголовное участие в выборах фактически невозможно. Не стоит объяснять почему. А в Абхазии, где сравнительно очень большое количество абхазцев уклонялось от выборов, таких удивительных участков было несколько. Объяснялось это просто – список избирателей составлялся в день выборов и заносились в него только имена тех, кто являлся на выборы. Таким образом менее ста процентов избирателей в таких участках не могло вообще не выходить, даже если бы пришел один только голосующий. Выборы в этих участках были Абхазским Советом все-таки признаны правильными. Другой пример. В городе Сухуме выборы производились одновременно (как, впрочем, и везде) в Абхазский Народный Совет и в земство. Но курьез заключался в том, что бюллетени тех и других выборов опускались одновременно в один выборный ящик, т.е. каждый избиратель бросал в ящик два списка. Само собою разумеется, что интересующихся выборами в Совет было больше, чем, в земство, посему советских бюллетеней в ящике оказалось больше по числу, чем полагалось, т.е. больше чем явилось избирателей. Это не помешало Совету признать и эти выборы

правильными. Очень боялись исхода вторичных выборов по г. Сухуму. Много было и других формальных нарушений выборного производства, которые в свою очередь требовали аннулирования всей выборной процедуры. Я подал в мандатную комиссию свое отдельное мнение (записка вышла очень обширной) о признании всех выборов по Абхазии в Абхазский Народный Совет недействительными, подробно его аргументировав. Конечно, мое отдельное мнение осталось гласом вопиющего в пустыне; тем не менее она испортила много крови моим противникам. Обойтись без прочтения моего отдельного мнения в Совете было нельзя. Волей неволей приходилось мандатной комиссии давать на нее свои разъяснения. Она ограничилась указанием, что при повторных выборах без нарушения закона обойтись вообще нельзя. Я полагаю, что составителям закона о выборах не особенно улыбалось публично объяснять, что эти законы не так уж важны, чтобы нельзя было не нарушать.

Комиссаром по внутренним делам в Абхазии был сначала некий Тумаркин. Откуда он появился в Сухуме мне неизвестно и, почему он был так дружен с грузинскими властями, я тоже не знаю. Он ничем себя не озаменовал, кроме угодничества перед грузинами, не решаясь на самостоятельную роль даже тогда, когда, казалось бы, личная его честь должна бы заставить его поступать иначе.

Он, например, утопил прис. пов. Лукьянова, поддержав распоряжение Чхиквишвили, который создал явно никуда не годные данные для обвинения Лукьянова в политической неблагонадежности и к высылке его из Абхазии, несмотря на то, что знал хорошо одиозность этой высылки и обещал близким Лукьянова поддержать последнего. Однако Тумаркин по каким-то причинам и сам не угодил грузинским властям и уступил свой пост другому лицу. Его заменил грузин с.р. Ив. Лордкипанидзе, по профессии врач. К несчастью самого Лордкипанидзе и окружающих его лиц он был сравнительно хорошим оратором и обладал темпераментом. Это его и выдвинуло. Но за этой внешней способностью была совершенная пустота, да вдобавок еще полная его аморальность, аморальность такого сорта, что он сам иногда не понимал, что худо, что хорошо. Однако он не стеснялся делать и заведомые пакости. Лордкипанидзе сначала служил в Грузии в качестве министра путей сообщения. В этом звании он совершил какую-то непозволительную аферу с керосином, правда, как говорили не в своих личных интересах, а в интересах своей партии, но был уличен и принужден вследствие этой истории оставить со срамом скамью правительства. Он отравлялся, но его спасли. Он остался не у дел и его спихнули в комиссариат Абхазии: все-таки свой, грузин и притом речистый! Я не знал другого человека, кроме еще члена Совета Уберия [Убирия], заменившего впоследствии Лордкипанидзе, кто был бы так бесцеремонен

в своих действиях, как Лордкипанидзе. При нем аресты и высылки в административном порядке процветали и, само собою разумеется, о справедливости принимаемой меры не могло быть и речи. Личные его враги, т.е. те, к которым он питал враждебные чувства, всегда подводились под число врагов Грузии. Так легче было с ними справиться. Его боялись, но не потому, что он сам по себе, как например «страшный» Чхиквишвили, мог внушать страх, а потому что этот человек был неожиданен в своих поступках и решениях: что хочет, то и сделает.

Членом Абхазского Народного Совета состоял грузин, бывший городской голова г. Сухума некий Тавдгеридзе, национал-демократ, т.е. правый. Поссорившись с социал-демократической партией и не желая работать с ней в Абхазском Совете он вышел из состава Совета и плохо сделал, ибо сделался личностью прикосновенной. Он имел неосторожность напечатать в Тифлисской газете «Грузия», органе своей партии, ряд статей, направленных против грузинских деятелей в Абхазии. В них не особенно тонко и не всегда считаясь с правдой, довольно все-таки зло осмеивал своих политических противников. А писать в Грузии против правительственной партии это значило писать против самого грузинского правительства, что не поощрялось. Лордкипанидзе нападки на него счел совершенно достаточной причиной для расправы с ним и с ведома центральной власти выслал его из Сухума. Я и Какубава бесцельно протестовали в Совете путем

запроса против неправильной высылки Тавдгеридзе. Никто нас не поддержал, даже наши левые не желали голосовать за правого.

Лордкипанидзе был гласным города Сухума и здесь было сделано на него нападение клеветами Тавдгеридзе. Ораторов, говоривших против Лордкипанидзе, публика одобрила. Он же не постеснялся сказать громко во весь зал – «хорошо Вам за моей спиной выразить мне свое неодобрение; вот поговорили бы так, чтобы я видел тех, кто мною недоволен, я бы им показал». Вообще про Лордкипанидзе было много слухов, рисовавших его с самой отрицательной стороны. Ему тоже пришлось покинуть комиссариат и то же по причинам, оставшимися мне неизвестными.

Членом Абхазского Народного Совета состоял влиятельный в своей среде представитель грузинской власти с.д. Цулукидзе – весьма характерная фигура. Служил ли он при охране во времена царского правительства, я не знаю, но при грузинском Правительстве в этой службе состоял, заведывая обысками, арестами и перлюстрацией писем в г. Сухуме. Он этого, конечно, скрыть не мог и обыски производил с пристрастием. Всякие бывают личности; ничего нет удивительного и в том, что существовал Цулукидзе. Но, казалось бы, не место охраннику, к какой бы партии он не перекинулся, быть в числе пред-

ставителей этой партии в парламенте. И хорош состав той партии, которая выставляет такого субъекта своим представителем. Такого рода люди были в почете у старой власти и не могли ими не быть: для грязных дел и поручений нужны были руки, готовые на все. Грузинская власть создала для таких дел своих доморощенных молодцов и Цулукидзе, грамотный среди малограмотных, стал у грузин персоной и им дорожили. Цулукидзе, не зная стыда и не имея совести, старался для начальства вовсю. Не ротозей – он даже выдвинулся в первые ряды, чуть ли, не в лидеры партии, в числе каковых и был, но только келейно, так как прошедшая его деятельность была весьма хорошо известна и формально мешала этому. Цулукидзе был вместе с тем редактором единственной местной газеты «Сухумский листок», органа соц. дем. партии. Нужна ли характеристика этой газеты?! Это было с моральной стороны нечто позорное. Газета врала, когда хотела и сколько хотела, не имея себе противников в печати. Самое интересное, что Цулукидзе терпели и не гнушались им даже такие члены грузинской соц.дем. партии, которые из-за сохранения своей репутации, казалось бы, должны были его избегать. В довершение всего Цулукидзе был привлечен к суду за убийство, правда в запальчивости и раздражении, но все же за уголовщину. Кажется, от суда он в свое время бежал, а при новой грузинской власти – свои люди могли ничего не страшиться – вернулся, когда его уже и сам суд не решался привлечь к уголовной ответ-

ственности. Это была уже сила! Из практики Цулукидзе, как гражданина при новой власти, приведу следующий случай. Обыску подлежал г. Маркович, заведующей ботаническим садом в г. Сухуме, между прочим человек весьма обширных познаний в своей специальности, чем и славился. Он подозревался в симпатиях к Деникину, стало быть квалифицировался, как контрреволюционер. С этой стороны обыскать и если нужно арестовать Марковича было делом грузинского официального патриотизма. Цулукидзе привлек для этого дела в качестве своих сотрудников двух грузинских юношей-студентов, которые пошли на это своеобразное патриотическое дело, не сообразив, что студентам, как таковым, зазорно принимать участие в обыске, хотя бы благопопечительское их начальство и толкало их на этот поступок, что грязное дело остается грязным, в какую бы оболочку его не облекали, что и без них найдутся для этого умелые руки. Но, так или иначе, эти студенты пошли на обыск. Марковича их приход к нему для обыска крайне поразил и он не мог не заметить, что в старое время обыски производились у студентов, но чтобы сами студенты занимались ими, он этого не знал. Между прочим при обыске у Марковича нашли фотографическую карточку Николая II. Цулукидзе с торжеством на это указал, но промахнулся: фотографическая карточка представляла собою карикатуру на Николая II. Цулукидзе выслушал, что ему объяснили, но все-таки карточку положил себе в карман, но уже в част-

ном порядке – «для коллекции, сказал он, у меня такой нет». Он не задумался взять себе на память вещь, хотя и малоценную, но ему не принадлежащую и которую ему никто не предложил взять в подарок.

Когда большевики овладели Грузией и Абхазией, Цулукидзе пришлось скрыться. Как говорят, большевики приговорили его заочно к смертной казни.

В Абхазском Народном Совете Цулукидзе был не худший из представителей грузинской партии. Таков был состав этого Совета.

♦ ♦ ♦

Председателем Абхазск. Нар. Совета был избран доктор Варл.Шервашидзе, тот самый, который сыграл такую печальную роль в порабощении Абхазии в пользу Грузии. Председателем Комиссариата Абхазии, т.е. главою абхазского правительства его все же не решились сделать. Была бы в таком случае слишком откровенной политическая игра за власть грузин в Абхазии. Выборы Варл.Шервашидзе в председатели Совета, были конечно обеспечены. Наша группа в выборах его решила не участвовать. Когда наступил момент избрания, члены нашей группы стали покидать зал заседания. Я уходил последним и услышал замечание, что я ухожу не по своей воле, а повинуюсь постановлению «своих». Так как я в это время еще не покинул заседания, я вернулся и попросил слова по мотивам отказа от голосования, и, когда мне это слово дали, я объ-

яснил, что выборы Варл.Шервашидзе в председатели Совета есть вызов по отношению к абхазскому народу, ибо имя его более всех других для него ненавистно. Мое заявление подняло в Совете бурю и не послужило к дружескому отношению ко мне со стороны В.Шервашидзе в будущем.

♦ ♦ ♦

Член Совета Какубава был избран членом ревизионной комиссии Абхазск. Нар. Совета. Работой своей он занялся весьма усердно и докопался в ней до кой-чего интересного, кой-чего скрыть оказалось невозможным. Какубава нашел обстоятельный доклад по ревизии. Им вполне ясно было установлено, что никакой серьезной денежной отчетности в расходовании сумм ушедшими главарями Совета не велось; все делалось спустя рукава, по домашнему и делалось так, как будто люди вовсе не понимали, что на их руках были общественные, подотчетные суммы, а не их личные. Все дела велись в том же направлении. Конечно, в денежной неурядице могли быть скрыты и всякого рода злоупотребления, но это могло лишь подозреваться, но не могло быть установлено прямым путем. Но все же было и в этом роде кой-что показательное. В своем докладе Какубава, между прочим, указал, что Абхазский Нар. Совет в то время, когда во главе его стоял Варл.Шервашидзе с Компанией, он выдавал из казенных сумм деньги различным частным лицам

в долг. Таких лиц было довольно много. В их числе (о чем я упоминал выше) – уездный Гудаутский комиссар Лука Картозия, получивший в долг 15.000 руб., что в то время было суммой весьма значительной. Это был тот самый Картозия, который привел по требованию Шервашидзе шесть милиционеров из Гудаут в Сухум для разгона Совета¹. Выдача 15.000 руб. Картозия, была ничем иным, как наградой последнему за услугу его инициативной группе и, конечно, не подлежала возврату. Милиционеры же получили каждый по 500 руб. наградных. Это уже было проведено по книгам в качестве расходных сумм. Таким образом «вооруженный абхазский народ» составлял всего 7 человек, а он-то и разогнал «туркофильский» Абхазский Народный Совет, как тому искренне в свое время поверил Ираклий Церетели.

В своей речи по поводу доклада Какубава я не преминул коснуться этих выдач и сказал, что весь переворот в Абхазии обошелся инициативной группе в 18.000 руб. им не принадлежавших, а составлявших Народный фонд. Я объяснил затем, что выдача казенных сумм в долг частным лицам составляет уголовно-наказуемое деяние; указал при этом и соответствующие статьи в уложении о наказаниях. Мне пришлось в своей речи указать еще на следующее. Как установил Какубава – старый Совет сделал в свое время постановление о реквизиции некоторых принадлежностей по освещению электричеством здания

¹ О первом разгоне АНС 15 августа 1918 г.

Совета, в том числе электрических лампочек. Реквизиция была совершена по ценам исключительно дешевым сравнительно с рыночной их стоимостью. Председатель Совета В.Шервашидзе увлекся дешевизной их и отобрал часть лампочек в свою пользу. Я и это объяснил преступлением – растратой казенного имущества. Этого замечания моего, совершенно справедливого с точки зрения закона, Шервашидзе никак не мог переварить. Он не верил, что я мог так говорить по поводу лампочек серьезно. Он чистосердечно не видел в своем поступке ничего неприличного и не скрывал своего удивления передо мной, он негодовал.

♦ ♦ ♦

Как работали в Абхазском Народном Совете?

Южная кровь и главным образом невоспитанность весьма сильно давали себя знать в заседаниях Совета. Скандалов в Совете было не мало и все они сопровождались употреблением «парламентских» выражений – «мошенник», «негодяй», «подлец», жестами угроз и даже выхватыванием из карманов револьверов. В большинстве случаев начало стычкам давал вспыльчивый, невожатый на язык и имевший многочисленных врагов в Совете член Совета Какубава. Он, как я уже заметил, не оставлял без ответа ни одного намека на свой счет. Попадало от него главным образом кн. Пл. Геловани, родному брату кн. Варл. Геловани, члена 4-й Госуд.

Думы, председателю Совета Шервашидзе, Чхиквишвили, состоявшему также в Совете в качестве его члена, и Ис.Ив. Рамишвили и многим, впрочем, другим, которые с своей стороны его травили. Подчас стычки носили комичный характер, а иногда и очень даже серьезный. Эти стычки сначала действовали на меня удручающе, но потом я по привычке к ним и, кроме того, убедился, что опасностью они почти никогда никому не грозили. Угрозы не переходили в действие, а если бы у кого-либо и было намерение серьезно посчитаться со своим противником, то я знал, что другие успеют вовремя остановить расходившегося оратора.

Какубава по натуре был далеко не трус и очень горячий по темпераменту. Он всегда носил в кармане револьвер и когда дело доходило до острых слов, он предусмотрительно опускал руку в карман и, на всякий случай, ставил собачку револьвера в положение, чтобы из револьвера стрелять было нельзя. Однажды Чхиквишвили, когда Какубава говорил речь с кафедры, пустил колкое замечание по поводу темной деятельности его по службе в прошлом. За это Чхиквишвили получил от Какубава столь резкое замечание с кафедры, что этот тоже невоздержанный человек, забыв какое он занимает положение в Абхазии (он еще продолжал занимать пост Сухумского генерал-губернатора) до того вспылал, что стал с горяч-

ностью вынимать из-за пояса револьвер. Дело, казалось, приняло очень серьезный оборот и некоторые члены Совета бросились удерживать Чхиквишвили, а Какубава, стоя за кафедрой, с иронией заметил: «Чхиквишвили не станет стрелять; если бы он захотел выстрелить, то успел бы это сделать. Он медлил, чтобы дать возможность другим его остановить». Какубава, говоря так, несомненно играл с огнем. Но он был смелый человек.

Однажды Чхиквишвили прибег к моей помощи, чтобы снять с себя незаслуженное, по его мнению, обвинение со стороны Какубава. Последний в ответ на резкое замечание Чхиквишвили заявил, что в своей прошлой революционной деятельности Чхиквишвили занимался экспроприациями. Этого уже Чхиквишвили вынести не мог и с места обратился ко мне, прося о заступничестве. Он удивил меня: голосом обиженного и даже слабого человека (мне даже стало его жаль) он сказал так: «Ваши товарищи меня защищали; удостоверьтесь, что я никогда не занимался экспроприацией». Я охотно заявил в Совете, что, не сочувствуя ему теперь, однако о прошлой его политической деятельности знаю, со слов моих товарищей, что она была чистой. Однако должен сознаться, что в настоящее время за чистоту его прошедшей деятельности, без проверки ее, не стал бы ручаться, не смотря даже на слова моих товарищей.

Стычки бывали и у меня, но, конечно, лишь на почве словесного турнира с допустимыми в парламенте выражениями, хотя подчас и довольно резкими. Нападков на себя я тоже не любил оставлять без ответа. Приходилось мне воевать почти исключительно с Ис. Ив. Рамишвили, ибо не было почти ни одного вопроса, в котором мы могли бы сойтись во взглядах. Разногласия большею частью касались частных вопросов. Столкновения бывали и с Чхиквишвили и с В. Джугели, командиром и главным деятелем в Народной Гвардии. Последний называл меня, желая унижить, «мартовским социалистом». Вопросы о справедливости никого, по видимому, в Совете не трогали. Однажды Чхиквишвили, желая меня уязвить, сказал, что я противник грузинской армии; что, между прочим, значило, что я вообще опасный человек. Это замечание вызвало гнев негодования против меня в Совете. Указание свое он сделал по обыкновению своему нелепо горячо. В ответ ему, я назвал его «опереточным генерал-губернатором». Название это попало ему не в бровь, а в глаз. Боже мой, какой крик поднялся в зале против меня! Как мог я так оскорбить представителя грузинской власти. Однако дело было сделано и кличка «опереточного генерал-губернатора» за Чхиквишвили пристала основательно и что неожиданно, он после сего стал терять свой престиж. Его перестали так почтительно слушать в Совете, стали прерывать его речь, чего не смели раньше, и ино-

гда ему приходилось даже просить собрание выслушать его, не прерывая «он же говорит серьезно».

Исидор Рамишвили держал себя умнее; для борьбы со мной употреблял иногда демагогические приемы. Был такой случай: не зная как отпарировать мое замечание, относившееся к нему, он обратился к собранию со словами: «кто-либо из нас двоих – социалист, либо я, либо Демьянов». Конечно, Рамишвили бил наверняка, имея в Совете большинство на своей стороне, лидером которого состоял, но я не дал времени подхватить его вопроса Собранию и с места громко заметил, что «в себе я не сомневаюсь». Заряд Рамишвили пропал даром.

Комичность некоторых стычек заключалась в том, что дело иногда доходило до угроз револьвером между лицами, которые, даже понося друг друга публично, все же говорили друг другу «ты», как прежние неразлучные друзья.

Подробно писать о том, чем занимался Абхазский Народный Совет, нет решительно никакой надобности. Деятельность его была чистейшим отражением того, что делалось в Тифлисе, и выражала она исполнение того, что требовалось оттуда. Конечно, было очень много черточек весьма интересных и своеобразных, но задевали они только местную жизнь. На них я поэтому и останавливаюсь.

Но маленькую характеристику того, что делалось в Совете, и что, мне кажется, представляет собою некоторый общественный интерес, я все-таки постараюсь дать.

Бывали случаи, что Совет вдруг, как-будто подымался на высоту своей независимости, но на самом деле это всегда оказывалось политической игрой, и только в тех случаях, когда эта игра не задевала интересов центральной власти.

Наши левые речи были очень не по вкусу правительственной партии и последствием сего было то, что протоколы заседаний Совета во всеобщее сведение не публиковались. Мало того, они велись кое-как и были такого рода, что совершенно не удовлетворяли своему назначению. В особенности это относится ко времени начала действия Абх. Нар. Совета. Между тем было чрезвычайно важно сохранить в неприкосновенности все то, что говорилось в Совете. Я неоднократно предлагал в Совете избрать особую комиссию для восстановления протоколов и приведения их в порядок; предлагал для этого лично свои услуги, но они не были приняты, потому что это не входило в интересы правительственной партии.

Осужденные судом обращались иногда в Совет с ходатайством о помиловании. Тогда грузинская партия подняла вопрос, может ли вообще Совет «миловать» при

существовании центральной грузинской власти. Это уже было полное отрицание самостоятельности Абхазского Народного Совета. После моих разъяснений решили, что – может, но так как суд, исполнители судебных приговоров и тюремное начальство пока еще находилось в ведении Министерства Юстиции Грузинской Республики, то Совет постановил – решения его о помиловании представлять для исполнения грузинской центральной власти. Таким решением вопрос был сведен на нет. Центральная власть приняла все к своему исполнению и решение вопроса и исполнение, а представление Совета признала за ходатайство. И ничего с этим поделать было нельзя. Больше того, Грузинское Министерство Юстиции миловало от себя, не передавая этого вопроса даже на разрешение своего парламента, присвоив себе прежние прерогативы русского монарха и не признавал[о] этой прерогативы за своим законодательным учреждением. В конце-концов Комиссариат Абхазии даже без доклада Совету стал препровождать такие ходатайства непосредственно в Тифлис. Об этом я узнал совершенно случайно. Самое удивительное, что Комиссариат стал так поступать после резких, горячих и продолжительных дебатов по этому вопросу в Совете. И поступал так, по-видимому, без злого умысла. Ему даже в голову не приходило, что по этому вопросу можно и следует бороться с грузинской властью, что вопрос этот имеет принципиальное значение.

Вообще же Комиссариат Абхазии и Совет что-то работали, над чем-то думали. Но работали и думали над гиблым делом. Если при такой государственной жизни Абхазии и была нужда в какой-то местной для нее власти, то можно было ограничиться властью одного Комиссариата, поставленного от Грузии, да и то, обкорнав его порядком. Абхазский же Народный Совет при его положении был не то дурной и глупой шуткой, не то излишней роскошью. Левые в Совете это понимали и у них не раз возникал вопрос, не уйти ли им из Совета вовсе. Но они сознавали, что с их уходом замолкнет в Совете голос оппозиции, голос совести, единственно ценное в Совете, и они оставались. Личный момент, конечно, тоже играл здесь немаловажную роль: почет и неприкосновенность значило много. Но в конце-концов и это оказалось фикцией.

Перехожу к описанию того случая, который послужил поводом к моему вынужденному выходу из Абхазского Народного Совета.

Усилением группы независимых абхазцев грузинские власти воспользовались для обвинения меня в особой вредности – в политическом отношении. Тогда же было решено так или иначе от меня отделаться. Решили ждать удобного случая. В этом походе на меня принимала участие и грузинская центральная власть. Меня все же спаса-

ло то, что я, как член Народного Совета Абхазии, считался неприкосновенным. Но дни мои были сочтены и моя неприкосновенность меня ни в чем не оградила: я был ущемлен изнутри Совета. А абхазское население относилось ко мне с полным доверием. Мне посылались под сурдинку, чтобы не раздражать грузинских властей, поклонны от сходов абхазских крестьян, что, надо сказать, чрезвычайно было для меня приятно. Словом, в Абхазии я стал человеком популярным. Когда я уже был вне пределов Грузии, мне говорили – «вернитесь; мы Вас так упрячем в горах, что ни один грузин Вас не отыщет». Предлагали вернуться и тогда, когда Грузии, как самостоятельного государства уже не существовало; и при этом говорили – абхазские большевики Вас никогда не тронут. Но прятаться в горах мне не было ни охоты, ни надобности, а за большевиков во втором случае, уже я сам бы не поручился и другому никому ручаться за них не советовал бы.

Абхазский Народный Совет был распущен на летние каникулы. Для текущих дел был оставлен, так называемый, Малый Совет, в который вошли представителями члены Совета от партий. Мне тоже предлагали войти в него, но я отклонил это предложение. Насколько я припоминаю, Малый Совет составляли всего пять или шесть членов Совета. Каникулы уже подходили к концу, но созыв Совета все откладывался под различными предло-

гами. И на самом деле прямой необходимости в его созыве не наблюдалось. Однажды я, в числе других членов Совета, проживавших в каникулярное время в Сухуме, не помню по какому случаю, получил приглашение посетить заседание какой-то советской Комиссии. Я явился в Советское помещение в назначенное время и застал еще заседание Малого Совета. Подписывалось какое-то постановление Малого Совета и я с удивлением услышал приблизительно следующее. Обратиться в Комиссариат Абхазии за ассигновкой в 500 руб. на расходы по поездке особой Комиссии в составе представителей всех партий в Абх. Нар. Совете по округу для призыва населения Абхазии на помощь Дагестану в его борьбе с добровольческой армией. Формулировал это постановление при мне Алания. Я попросил Алания, а может быть, кого-либо и другого, объяснить мне, в чем дело. Мне объяснили. Приехал в Сухум какой-то дагестанец, который обратился в местную соц.дем. партию отдельно к членам этой партии, сидящим в Совете, с просьбой об оказании помощи дагестанцам в борьбе с Деникиным. Кто был этот дагестанец по партийной принадлежности, не пришлось узнать. Можно почти наверно сказать, что дагестанец приехал в Сухум, если не по прямому соглашению грузинских политических деятелей, то во всяком случае с их ведома и согласия. Помощь должна быть выраженной не материальными средствами, а людьми, в качестве добровольцев в этой борьбе. Между прочим, о победе над добровольче-

ской армией в то время мало кто помышлял и Деникина грузинские власти тогда весьма и весьма побаивались. Вопрос мог идти только о создании Деникину некоторых затруднений в тылу. Преследовалась и самостоятельная цель – создать атмосферу недоверия к добровольческому движению со стороны самой Абхазии, чтобы Деникин не был в праве ссылаться на то, что Абхазия сочувствует Русской армии и настроена против Грузии. По существу эта политика была шита белыми нитками и не могла достигнуть цели. Во-первых, никого нельзя было обмануть в том, что Абхазия настроена против Грузии. Во-вторых, знали о симпатии абхазцев к русским. Даже большевики пользовались до известной степени их симпатиями только потому, что они русские, сыны большой России. А от России абхазцы отделяться не хотели. Они по инстинкту понимали, что такое маленькое тело, как Абхазия, без опоры на Россию существовать не может и что одинокая Грузия не может быть пригодна для этой цели. Мало того, сам грузинский народ в массе своей не желал отделяться от России, как я понимал это, вопреки категорическому заверению противного со стороны главарей Грузии. Однако, ни большевистская российская власть, ни грузинская, ни к несчастью Деникин, упорно не желавший формально гарантировать существование всех тех свобод, ради которых была совершена революция, не давали гарантии Абхазии, что при них ей будет жить хорошо, т.е. мирно. Пропаганда дагестанца по существу не

могла иметь успеха среди абхазского населения. Она была просто шумихой в известном направлении; и только. Но она же могла стать и опасной, если бы Деникин поверил серьезно во враждебность добровольческому движению в Абхазии. Алания, конечно, должен был хорошо все это понимать. Почему же он действовал вопреки своему пониманию?! Во-первых, он, как и все левые, не без основания не доверял Деникину, в чем его винить нельзя, а во-вторых, и это главное, он не смел показывать себя не левым. Как же это так? Дагестан борется за свою политическую независимость, а они, левые абхазцы, не станут держать их стороны и помогать им?! Что скажут на это большевики и все левые? Не получают ли, кроме того, грузины материал для нападков в Абхазском Совете на их реакционность и доказательства их внутренней симпатии добровольческому движению? Словом, все «Алании» были в достаточной степени мягкотелы, чтобы отстаивать свои взгляды, не боясь за свою репутацию. Аланиям приходилось влиять.

Когда мне объяснили, в чем дело, я немедленно, в качестве члена Совета, подал в президиум Совета заявление, что подобного рода постановление Малого Совета не может не считаться вредным для интересов Абхазии и что, кроме того, возбуждение подобных вопросов не должно входить в компетенцию Малого Совета Абхазии, тем более, что «мы находимся накануне открытия заседания Совета в полном составе». Я просил поэтому приня-

тое постановление Малого Совета не приводить в исполнение, а возбужденный вопрос перенести на обсуждение Народного Совета Абхазии.

Бумага моя, оказалось, перепугала президиум Совета, членов Малого Совета и Комиссариата Абхазии. Насколько я могу понять, страх произошел из-за того, что хотели разыграть под сурдинку, а сделалось вдруг явным. Испугались, что Деникин узнает, от кого все идет. По сему поводу созывались, очевидно неоднократно, совещания о том, что предпринять. С перепугу было принято решение самое неразумное, какое только можно придумать и свойственное, пожалуй, только дикарям или детям. Для приведения этого решения в исполнение нужен был сговор членов президиума, некоторых членов Совета и Комиссариата Абхазии. Решили сделать следующее: заменить существующее постановление Малого Совета новым от того же числа и за тем же номером, но другого содержания. А так как состоявшееся постановление было приведено в исполнение, т.е. копия его отослана в комиссариат и прошла по книгам и комиссариата, то заменить копию старого постановления копией нового в самом комиссариате. Новое постановление было состряпано уже в ином духе. Оно уже не заключало в себе вопроса о помощи дагестанцам в борьбе их с Деникиным. Проектированная в прежнем постановлении комиссия направлялась уже в глубь Абхазии лишь для ознакомления с текущим политическим моментом. Одна подпись в но-

вом постановлении была заменена. Алания к делу вовсе не привлекался, а, может быть, и сам отказался от участия в этой проделке. Однако и с такой программой комиссия никуда не ездила; да и дагестанец куда-то запропастился. Само собою разумеется такая замена одной бумаги другую не могла остаться для меня тайной, так как я не мог не интересоваться последствиями подачи моего заявления. Ознакомившись в подлиннике с произведенной махинацией, я усмотрел, конечно, насколько поданное мною заявление оказалось ни к селу, ни к городу. С чем же я боролся, с мельничными крыльями? А служебный подлог был на лицо. Я не желал оставлять обнаруженный мною факт под спудом. Это было нечто кричащее, ибо невозможно было допустить такую профанацию идеи выборного начала, чтобы в числе даже фальшивых представителей народа могли состоять люди, причастные к совершению уголовного преступления. Было кстати недурно установить фактически, что фальшивые выборы могли дать никуда негодный выборный элемент. Наконец я вовсе не был намерен допускать, чтобы мною могли играть безнаказанно. Я решил всех участников подлога вывести на свежую воду. Представлялось две альтернативы для этого, либо заявить о деле прокурору суда, либо непосредственно подать о сем заявление в Народный Совет Абхазии. Я избрал второй путь, так как считал не удобным обойти этот вопрос в Совете; моя жалоба прокурору не могла все-равно не быть представленной последним в Совет. Я оставил

подробную записку по поводу совершенного подлога, подал ее в Совет и стал ждать событий. Между прочим, я очень хорошо сознавал, что моего шага мне не простят. Но к последствиям его я относился с полнейшим равнодушием. Они меня даже не интересовали.

События разыгрались следующим образом.

Чуть ли не в первом же заседании Совета после каникул председатель его Варл. Шервашидзе предложил прочитать мне заявление и высказаться по поводу него. Заявление было прочитано. Все молчали. Наконец Ис.Ив. Рамишвили нарушил его и с места заявил, что не следует ли «столь грязное по духу заявление» оставить без обсуждения. Казалось, дело начало сводиться на нет, но это не входило в планы компании и Шервашидзе заявил, что поднятого вопроса нельзя оставлять без последствий и предложил передать его, т.е. заявление мое для обсуждения в особую Комиссию, которую тут же и избрали. Но левые товарищи отказались в ней участвовать. Комиссия совещалась очень не долго и внесл[а] свое предложение, которое устно предложено было доложить члену Совета Уберия [Убирия], одному из тех, который мог связно излагать свои мысли. Дальше этого он не шел. Речь Уберия сводилась к следующему: член Совета Демьянов, подав свой протест на постановление Малого Совета, достиг своей цели – пропаганда о помощи дагестанцам в борьбе с добровольческой армией со стороны абхазцев была отклонена. Он должен быть удовлетворен тем, что произо-

шло. Какие же цели преследует он теперь, подавая свое заявление в Народный Совет Абхазии? Очевидно, он желает поссорить Абхазию с Деникиным, т.е. желает ссоры Деникина с Грузией, так как Абхазия составляет часть Грузии. Стало быть – он враг Грузии. А, если он враг Грузии, то мы не должны терпеть его в своей среде; мы должны исключить его из Совета Абхазии. В этом и состояло предложение комиссии. Для меня не составляло затруднение возразить на речь Уберия. Докладчик ни слова не сказал, как нужно отнестись к совершенному подлогу. Я указал, что Совет не должен терпеть в своей среде членов, способных совершать подобные деяния, что их нужно придать суду, что обнаружение их даст возможность населению уберечь себя в будущем от избрания таких лиц в свои представители. Что касается вопроса о возможности ссоры Грузии с Деникиным, то во-первых, последний не может не быть осведомленным, что в Грузии у него имеются враги. Мое заявление в этом отношении ничего не может ни убавить, ни прибавить к существующим отношениям, во-вторых, говорить, что именно мое заявление в Совет может поссорить Деникина с Грузией и натравить его на войну с ней явно нелепо, ибо по словам самого Уберия я остановил осуществление тех именно планов, которые, будто бы, могли привести к этой войне. Не значит ли это переносить вину с больной головы на здоровую? Указал им далее, что та или иная моя квалификация того, что произошло и какие от этого могли бы

произойти последствия есть только личное мое мнение, и что с этой стороны я должен считаться неуязвимым, ибо свобода мнений в Совете гарантирована законом и я поэтому неприкосновенен, комиссия вынесла предложение не основанное на законе. Наконец, если бы я действительно совершил преступление, то необходимо соблюсти порядок моего исключения, т.е. передать мое дело сначала судебным властям и, если прокурор найдет в моих признаках преступления, то только тогда после его предложения об исключении меня из Совета для привлечения к уголовной ответственности, Совет может перейти к разрешению вопроса о моем исключении из Совета. Другого порядка нет. Но Совет не желал считаться ни с законом, ни медлить с вопросом о моем исключении. Было тут же решено поставить вопрос на баллотировку. Тогда я опять взял слово. Заявив предварительно, что я отношусь с полным равнодушием к исходу баллотировки, я объяснил, что исключение меня формально по правилам наказа должно состояться только при квалифицированном большинстве Совета. Это грозило провалом для моих противников, так как с отказом от баллотировки моих левых друзей, т.е. всех абхазцев [это] влияло на исход баллотировки. Левые действительно от баллотировки отказались, однако же предварительно посоветовались и вынесли мне какую-то свою письменную резолюцию, в которой осуждали меня за симпатии к добровольческому движению, указав вместе с тем, что ничего изменческо-

го в моих выступлениях они не видят. Но о подлоге они тоже ничего не сказали. Вообще вопрос о подлоге как-то сразу затухал; в центре обсуждения остался я один.

Обсуждение вопроса после моих объяснений по поводу наказа занял довольно продолжительное время. Был объявлен перерыв заседания. Пока грузинская партия совещалась, левая группа находилась в дружелюбном со мною общении, но я их все же осуждал в душе. Симпатии симпатиями, но дела они не должны были забывать. В их поступке я видел страх иудейский – боязнь за осуждение их за правизну, тем более, что ни в одной из своих бумаг, ни в заседаниях Совета, я не говорил, как отношусь к Деникину.

Меня исключили из Совета, при воздержавшихся левых, простым большинством голосов.

Итак, меня исключили, как изменника Грузии (!!) из Народного Совета Абхазии. Я отлично знал, что никакие судебные репрессии мне не грозят, но к административному воздействию, я должен был быть готов. Так и случилось. Уже через день или два после выхода моего из Совета меня арестовали, при чем арестовала не абхазская административная власть, а без ее ведома Грузинская Народная гвардия, которая получила такое приказание (иначе и быть не могло) из Тифлиса. Посадили меня под арест в доме, который реквизировала для себя эта гвардия. Спал я в канцелярии, устраиваясь на столе. Сидя в канцелярии днем, я слышал как председатель Комиссариата Эмухвари по телефону запрашивал объяснений причин моего «нео-

жиданного» ареста. Ему отвечали очень пренебрежительно и конечно в смысле – мы знаем, что делаем.

Из Сухума я был отправлен на моторном судне в Потю. Как я не простудился – одному Богу известно. Ехать пришлось на палубе. Дул сильнейший и холодный ветер. Вместо 9 часов мы ехали двое суток; конечно, последние сутки не евши. Судно, имея слабую моторную машинку, не могло идти против ветра. Из Потю под стражей повезли в Тифлис. Кормили меня и в Сухуме и в дороге и в Тифлисе казарменной едой. Тут я убедился, как прекрасно и сытно кормят солдат народной гвардии. В Тифлисе мне предложили оставить Грузию, но не позволили ехать в Батум, тогда английский. Мне было все-равно куда ехать и я направился в Баку.

Дальнейший ход событий в Совете после моего выезда мне в подробностях неизвестен, т.е. я не знаю, как боролись дальше две враждующие в нем партии. Так как я пишу не историю Абхазии, то и не коснусь тех слухов, которые доходили до меня о делах Абхазии.

В Баку я прожил не долго. Перебрался в Батум без ведома грузинской власти. В Батуме жил во время английской оккупации; остался в нем, когда он перешел в ведение Грузии. Уехать же из Батума пришлось когда он был занят большевиками. Я направился в Константинополь.

Демьянов
Константинополь 1921 г.

♦ ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВДЕЕВ – член партии эсеров, в 1919 редактор газеты «Народное Знамя» (Тифлис), выслан из Грузии меньшевистскими властями.

АДЖАМОВ Георгий Давидович (1897–1938), родился в селе Лыхны Гудаутского участка, депутат Абхазского Народного Совета (АНС), примыкал к группе депутатов-«независимцев». После разгона АНС в октябре 1918 был арестован и заключён в Метехский замок (Тифлис). Вместе с другими абхазскими депутатами освобожден по требованию английского командования накануне выборов в третий АНС (февраль – март 1919). В советское время репрессирован.

АЛАНИЯ Дмитрий Иванович (1893–1938), родился в селе Лыхны Гудаутского участка, учитель, в 1913 окончил коммерческие курсы в Петербурге. 8 ноября 1917 на сходе Абхазского народа вместе с С. Басария (председатель съезда и первого АНС), М. Цагурия, Мих. Тарнава участвовал в создании АНС,

который принял Декларацию и Конституцию. При меньшевиках работал в Сухумском отделении государственного банка, в 1918–1920 депутат АНС, входил во фракцию «независимцев» («независимые социалисты»). Подвергался арестам. Принимал активное участие в создании абхазской газеты «Апсны» (1919–1920), в феврале 1920 выступал на съезде абхазской интеллигенции. В советское время был наркомом финансов Абхазии, председателем Высшего суда республики, заместителем Председателя Совнаркома Абхазии, секретарем Абхазского обкома партии, заместителем председателя ЦИК Абхазской АССР. Репрессирован.

АЛЕКСЕЕВ–МЕСХИЕВ (АЛЕКСИ-МЕСХИШВИЛИ)

Шалва Владимирович (1884–1960), грузинский юрист и политик, министр юстиции Грузинской республики (1918–1919), депутат Учредительного собрания Грузии (1919–1921).

ГЕГЕЧКОРИ Евгений Петрович (1881–1954), член РСДРП с 1903, участник революции 1905. Окончил юридический факультет Московского университета. В 1907 – депутат III Государственной Думы от Кутаисской губернии, один из лидеров социал-демократической фракции меньшевиков. После революции 1917 – один из руководителей Грузинской

социал-демократической партии. Ноябрь 1917 – апрель 1918 – председатель Закавказского Комисариата – коалиционного правительства Закавказья и военный министр. После провозглашения Грузинской демократической республики (26 мая 1918) – министр иностранных дел, в 1921 министр юстиции. После установления советской власти в Грузии вместе с другими членами правительства эмигрировал во Францию. В 1953–1954 – председатель правительства ГДР в изгнании. Родной дядя Нины Гегечкори – жены Берия.

ГЕЛОВАНИ Варлам Леванович (1878–1915), политический и общественный деятель. Родной племянник Александра Григорьевича Шервашидзе (сын его сестры Деспины Григорьевны Шервашидзе). Депутат IV Государственной Думы от Кутаисской губернии. Социалист-федералист, окончил юридический факультет Петербургского университета. Близкий друг А.Ф. Керенского. Выступал за территориальную автономию Грузии в составе России. В Первую мировую войну командир санитарного отряда. Умер от сыпного тифа.

ГЕЛОВАНИ Платон Леванович (1874–1937), родной брат В.Л. Геловани, депутат АНС (1919–1921). Растрелян.

ДЕНИКИН Антон Иванович (1872–1947), русский военачальник, генерал-лейтенант, один из руководителей Белого движения, политический деятель, военный мемуарист. Автор воспоминаний «Очерки Русской смуты» (1921–1926). Командующий Добровольческой армии (1918–1919), Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (1919–1920). Осенью 1918 – зимой 1919 войска генерала Деникина отвоевали Сочи, Адлер, Гагру, всю прибрежную территорию Черноморья, захваченную летом 1918 Грузией при поддержке Германии. К 10 февраля 1919 Грузинская армия была отброшена за реку Бзыбь. Англичане и Деникин требовали объявить Абхазию нейтральной территорией и вывести оттуда грузинскую администрацию и военных. С апреля 1920 эмигрант. Жил в Англии, Франции, США.

ДЖУГЕЛИ Валико Константинович (1887–1924), грузинский политический и военный деятель, литератор. Член Учредительного собрания Грузии (1919–1921). В 1912 окончил Сухумскую гимназию, учился в Петербургском университете. До 1917 поддерживал большевиков, потом грузинских меньшевиков. Возглавлял Красную гвардию Закавказской республики. Подавлял выступления в Абхазии и Южной Осетии. О карательных действиях меньше-

вистской Народной гвардии (была переименована из Красной) откровенно и с упоением писал в своих мемуарах «Тяжелый крест» (Тифлис.1920). С предисловием Е.Гегечкори. В марте 1921 покинул Грузию вместе с правительством Н. Жордания, а в 1924 нелегально вернулся для участия в подготовке восстания, но был схвачен грузинской ЧК и расстрелян.

ДУРНОВО Петр Николаевич (1842–1915), государственный деятель России, министр внутренних дел (1905–1906), член Госсовета, сторонник сильной власти и жестких мер.

ЖОРДАНИЯ Ной Николаевич (1868–1953), российский и грузинский политический деятель, председатель правительства Грузинской республики (1918–1921). С 1898 член РСДРП. Делегат II съезда РСДРП в Лондоне, меньшевик (псевдонимы Костров, Джордж). В 1906 депутат I Госдумы от Тифлиса. После ее разгона подписал Выборгское воззвание, за что был осужден к тюремному заключению. На V съезде РСДРП (1907) избран членом ЦК (до 1912). После Февральской революции – председатель Тифлисского Совета рабочих и солдатских депутатов. Октябрьскую революцию не принял. С ноября 1917 возглавлял Президиум Национально-

го Совета Грузии, 26 мая 1918 подписал Акт о независимости Грузии, а 24 июля 1918 возглавил правительство ГДР (первым его главой был Ной Рамишвили). В марте 1921 эмигрировал. Автор мемуаров “My life” (Stanford. 1968).

ЗАХАРОВ Борис Николаевич (1876–1938), известный сухумский адвокат, за участие в революции 1905 в Абхазии был заключен в тюрьму, соратник Серго Орджоникидзе, племянник Германа Лопатина. Пользовался большим авторитетом среди местного населения, был человеком редкого мужества. Принимал участие в разработке Конституции ССР Абхазии (1925), земельного кодекса республики, работал юрисконсультom у Н. Лакоба. В 1937 был арестован, осужден на 10 лет, а 1 мая 1938 скончался в лагере.

ЗАХАРОВ Дмитрий Васильевич (1876–1930-е гг.), член меньшевистской партии Грузии, депутат грузинской фракции Абхазского Народного Совета и Учредительного собрания Грузии (1919–1921). В 1931 арестован ОГПУ СССР.

КАКУБАВА (КАКУБА) Ражден Иванович (1873–1941) – известный общественный и политический деятель, инженер путей сообщения, депутат АНС.

Родился в селе Гумриш Самурзаканского участка. С отличием окончил Сухумскую горскую школу и Ставропольскую гимназию. В 1894 поступил в Петербургский институт путей сообщения. В начале XX в. вернулся из Петербурга в Абхазию. Прославился своей благотворительной деятельностью. В 1918–1921 депутат АНС, народный социалист, активно участвовал вместе с группой «независимцев» (С. Чанба, М. Цагурия, И. Маргания, Д. Алания) в освободительном движении. Поддерживал в парламенте Абхазии депутата А. Демьянова (1919), автора проекта Конституции Абхазии. Остро критиковал меньшевистское правительство Грузии, был смелым и мужественным человеком, умел постоять за своих товарищей. В советское время работал инженером, выступал с научными докладами в Абхазском научном обществе (АБНО). Летом 1941 вместе с другими представителями абхазской интеллигенции (С. Басария, М. Тарнава, В. Маргания, Н. Патеипа и др.) по сфабрикованному делу был арестован и скончался в Тбилиси в тюрьме в ожидании вынесения смертного приговора.

КАЛЕДИН Алексей Максимович (1861–1918), генерал от кавалерии, войсковой атаман Дона. К Февральской и Октябрьской революции отнесся от-

рицательно. 18 декабря 1917 генералы Каледин, Алексеев и Корнилов составили «триумvirат» для руководства Белым движением на всей территории Российской империи. Страны Антанты прислали в Новочеркасск своих представителей. В этот период шли переговоры (начало января 1918) с А.А. Демьяновым о переезде Временного правительства из Петрограда в Новочеркасск под защиту Каледина, однако неудачи на фронте привели к самоубийству генерала (29 января 1918).

КАРТОЗИЯ Лука – комиссар Гудаутской уездной меньшевистской милиции, 15 августа 1918 руководил первым разгоном АНС.

КОКОШКИН Федор Федорович (1871–1918), политический деятель, один из основателей Конституционно-демократической партии (кадеты), правовед. Депутат I Госдумы (1906), Государственный контролер Временного правительства (1917). После роспуска I Госдумы подписал Выборгское. воззвание. В ноябре 1917 был избран членом Учредительного собрания, прибыл из Москвы в Петроград, но был арестован. Будучи больным туберкулезом переведен из Петропавловской крепости в Мариинскую больницу вместе с Шингаревым, где они были убиты в ночь на 7 января 1918 большевист-

скими солдатами и матросами. Это был первый акт «Красного террора».

ЛАКОБА Нестор Аполлонович (1893–1936), большевик с 1912, активный участник Гражданской войны (1917–1921), председатель правительства Абхазии (1922–1936). Отравлен в Тбилиси.

ЛЕБЕДЕВ – председатель Русского Совета в Тифлисе (1918 – 1919).

ЛОРДКИПАНИДЗЕ Иван Несторович (1889–1937), российский и грузинский политик, эсер, член Всероссийского Учредительного собрания и Учредительного собрания Грузии (1919–1921), министр путей сообщения ГДР, исполнял обязанности министра юстиции. В 1919 направлен в Абхазию – Комиссар по здравоохранению и образованию. В 1921 остался в Грузии, подвергался репрессиям. Осенью 1937 арестован, осужден тройкой НКВД Грузинской ССР и расстрелян.

ЛОРИС–МЕЛИКОВ Михаил Тариелович (1824–1888), российский военачальник и государственный деятель, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, министр внутренних дел при Александре II, член Госсовета. Возглавлял военную экспедицию в Абхазии

против горцев общества Псху, в 1858 – начальник войск в Абхазии, заложил укрепление в Цебельде. Умер в Ницце. Погребен в Тифлисе.

ЛУКЪЯНОВ – присяжный поверенный, избран в Тифлисский Совет рабочих и солдатских депутатов, работал под руководством Жордания, затем попал в опалу, арестован и заключен в Метехский замок.

МАРКОВИЧ Василий Васильевич (1865–1942), в 1903 – 1919 заведовал Ботаническим садом в Сухуме, преследовался меньшевистскими властями Грузии. В 1924 заведующий отделом Сухумской сельскохозяйственной и лесной опытной станции. В середине 20-х гг. продолжил работу в Ленинграде, но связей с Абхазией не порывал. Автор более 150 научных работ.

МАРТИН Август (1893–1982), представитель эстонской общины Абхазии (с 1915), работал учителем в селе Верхняя Линда близ Сухума, в 26 лет от эстонского населения избран депутатом АНС (1919–1921), вместе с А.Демьяновым был в группе абхазских «независимцев», поддерживал курс Абхазии на самостоятельность. Автор воспоминаний об Абхазии (1969), в которых немало интересного

о событиях 1917–1921. (Хранятся в Абхазском госмузее и архиве Эстонии в городе Тарту). В советском Правительстве работал недолгое время в Наркомпросе под началом Самсона Чанба и заведовал отделом национальных меньшинств. Позднее вернулся в Эстонию.

МАРШАНИЯ Таташ Халыбеевич (?–1935), абхазский политический и военный деятель. Князь из села Джгерда Кодорского участка. После Февральской революции назначен комиссаром милиции Абхазии. Вместе с А.Г. Шервашидзе в мае 1918 в ходе Батумской мирной конференции поддерживал тех представителей делегации от АНС, которые выступали за союз с горцами Северного Кавказа («Горская республика»). Принимал участие в вооруженной попытке изгнания грузинских войск из Абхазии в июне-августе 1918, за что меньшевистские власти предали огню его имение в селе Джгерда и взорвали дом. После этих событий стал поддерживать тесные связи с Добровольческой армией с целью привлечь генерала А.И.Деникина к идее освобождения Абхазии от грузинской оккупации. Известно, что в его доме скрывался одно время от меньшевиков Н.Лакоба. В советское время жил в Абхазии, пользовался большим авторитетом в народе.

МЕЛИЕВ – старший председатель Тифлисской судебной палаты (1919), знакомый А.Демьянова по службе в Петербурге.

ПАШАЛИДИ (ПАСАЛИДИС, ПАШАЛОВ) Иван Георгиевич (1885–1968), политический деятель, врач. Учился в русской гимназии в Тифлисе, продолжил учебу на медицинском факультете Новороссийского университета (Одесса) и в 1903 вступил в РСДРП. За участие в студенческих волнениях исключен из университета. В 1909 учился в Берлине, в 1910 получил диплом медика Московского университета и переехал с семьей в Сухум, где занимался врачебной практикой и работал в местной социал-демократической организации. В 1913 продолжил учебу в Германии. По возвращении в Абхазию стал главврачом Сухумской городской больницы. Как член грузинской социал-демократической партии был депутатом АНС и членом Учредительного собрания Грузии (1919–1921). Будучи авантюрным деятелем, принимал участие в акциях грузинских властей против абхазского народа. С 1918 по март 1921 редактор сухумской меньшевистской газеты «Неа зои» («Новая жизнь»). После советизации Грузии жил в Константинополе, в 1922 – в Берлине. С 1923 обосновался в Греции, работал врачом в Салониках и там же был избран в Парламент Греции.

В 1945 – член ЦК Национально-освободительного фронта Греции. В 1951–1968 – председатель Единой демократической левой партии. В 1967 после прихода к власти в Греции «черных полковников» был арестован; до конца жизни находился под домашним арестом. Выступал против вступления Греции в ЕС (тогда ЕЭС) и был за воссоединение Греции с Кипром.

ПРОКОПОВИЧ Сергей Николаевич (1871–1955), российский экономист, политический деятель, министр торговли и промышленности, министр продовольствия Временного правительства. Доктор философии Бернского университета (Швейцария, 1913). В 1922 выслан из России. Жил и работал в Берлине, Праге... На основе статистических данных издал ряд фундаментальных трудов, посвященных анализу советской экономики. Умер в Женеве.

РАМИШВИЛИ Исидор Иванович (1859–1937), депутат I Госдумы (1906), учитель, видный грузинский социал-демократ (меньшевик). Принимал участие в революционных событиях 1905 – арестован и заключен в Метехи. В июле 1906 подписал Выборгское воззвание в связи с разгоном I Госдумы. Делегат V съезда РСДРП в Лондоне. Арестам и ссылкам подвергался с 1908 по 1917. После Февральской рево-

люции член Исполкома Петроградского Совета. С сентября 1918 по сентябрь 1920 политический представитель правительства Грузии в Абхазии, вместе с чрезвычайным комиссаром В.Чхиквишвили контролировал выборы в третий Абхазский Народный Совет. На его открытии 18 марта 1919 Исидор Рамишвили говорил: «Мы не похожи на завоевателей и не земля здешняя нам нужна». С марта 1919 член Учредительного собрания Грузии. В советское время подвергался преследованиям. В 1937 арестован по приказу Л. Берия и расстрелян.

РАМИШВИЛИ Ной Виссарионович (1881–1930), политический деятель, первый председатель правительства Грузинской демократической республики и министр внутренних дел. С 1902 член РСДРП, учился на юридическом факультете Юрьевского (Тарту) университета, из которого исключен за революционную деятельность. Неоднократно арестовывался и ссылался. После Февральской революции член Всероссийского Учредительного собрания. Первый председатель правительства ГДР. Будучи министром ВД Грузии неоднократно приезжал в Абхазию (1918–1920), оказывал давление на депутатов АНС, прибегал к репрессиям. После советизации Грузии – в эмиграции. Застрелен в Париже.

СИДАМОНОВ–ЭРИСТОВ Георгий Дмитриевич (1865–1953) – присяжный поверенный. После Февральской революции и роспуска полиции занимался реорганизацией этого ведомства. Во Временном правительстве – возглавлял в Петрограде Временное управление по делам общественной полиции и обеспечению имущественной безопасности граждан. После Октябрьской революции вместе с А. Демьяновым оказался в Сухуме, а в 1919 при грузинских меньшевиках возглавил Сухумский окружной суд. Впоследствии был посланником Грузии в Варшаве. В эмиграции жил во Франции. С 1921 – член Союза русских адвокатов во Франции.

СОКОЛОВ Николай Дмитриевич (1870–1928) – сын духовника царской семьи. Присяжный поверенный, привлекался к дознанию по делу народовольцев, арестовывался и высылался. Во время событий 1905 его посетил в Петербурге В.И. Ленин. В 1906 Соколов выступал защитником на многих политических процессах. Был адвокатом на Выборгском процессе депутатов I Госдумы, в том числе социал-демократов Ноя Жордания и Исидора Рамишвили. В октябре – ноябре 1916 с А. Керенским участвовал в конспиративных собраниях на квартире Н.С. Чхеидзе. Активный участник Февральской революции. Секретарь исполкома Петровета, член

Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по делам бывших царских министров. Социал-демократ по убеждениям, в партиях не состоял. После Октябрьской революции жил и работал в Тифлисе, пользовался большим влиянием в политических кругах Грузии, так как многих местных вождей в свое время успешно защищал на политических процессах в царской России. Сочувствовал большевикам. Одно время работал юрисконсультom советского правительства и в разных советских учреждениях. Умер в Ялте.

СПИРАНТИ Козьма Дмитриевич (1872–1931) – врач, в 1913 купил дом в Сухуме. С 1916 председатель Сухумского Эллинского общества. В 1918–1920 издавал в Сухуме греческую газету «Морфосис» («Просвещение»). Был лечащим врачом сухумского персонала Индо-Европейской телеграфной компании. Исполнял обязанности вице-консула Греции в Сухуме. В 1919 арестован грузинскими властями при непосредственном участии доктора И. Пашалиди, члена Учредительного собрания Грузии. Репрессии были вызваны тем, что Спиранти протестовал против мобилизации граждан Греции в грузинскую армию. Вскоре инцидент был исчерпан. Совместно с докторами Н.Г. Рукиным и А.Л. Григолия построил на свои средства здание частной больницы (ныне

сухумская 2-я горбольница). В 1931 доктор Спиранти умер, а супруга Олимпия с дочерью Лилией уехали в Грецию.

ТАВДГИРИДЗЕ Николай Караманович – кутаисский князь, в ходе Первой революции стал городским головой города Сухума (1905–1911), грузинский национал-демократ, депутат третьего Абхазского Народного Совета (1919–1920), покинул Абхазию из-за конфликта с меньшевиками.

ТАРСАНОВ – депутат Грузинского парламента от армянского населения Тифлиса, издатель газеты «Народное Знамя», выслан властями из Грузии.

ТОПУРИДЗЕ – депутат Грузинского парламента, председатель финансовой комиссии (1919).

ТУМАНОВ (АХАН-ИПА) Георгий Давидович (1880–1920) – сын абхазского крестьянина из села Отхара Гудаутского участка, окончил Ново-Афонскую школу, получил духовное образование, и с 1905 служил в Бармышской церкви. С 1909 у принца А.П. Ольденбургского в Гагре стал настоятелем церкви св.Ипатия. В Гагре, где у принца был гараж, увлекся автомобилями, принимал участие в автогонках. Колоритный и очень смышленный священ-

ник пользовался расположением принца. Молодой человек был популярной личностью и его избрали депутатом Абхазского Народного Совета. Он резко осуждал карательные действия Грузинской республики в Абхазии (1918), выступал за недоверие председателю АНС Варламу Шервашидзе, вместо которого депутаты предпочли Владимира Чачба (Шервашидзе). Однако 10 октября 1918 АНС был разогнан грузинскими гвардейцами во главе с полковником Тухарели, а Г. Туманов (вместе с другими депутатами) был арестован и заключен в Метехскую тюрьму. После освобождения (по требованию британского командования), в феврале 1920 выступал в Сухуме на съезде абхазской интеллигенции. В конце июня 1920 священник, депутат и заядлый автомобилист трагически погиб в автокатастрофе. По одной из версий, авария была подстроена грузинскими властями. Д. Гулиа в газете «Апсны» отмечал тогда, что Туманова в Абхазии знали все, он был известен как оратор, умный и гуманный человек. Одним из первых он поддержал издание абхазской газеты «Апсны» и внес крупную сумму денег.

ТУМАРКИН Лев – прибыл в Абхазию из Тифлиса, в мае 1918 – комендант Сухума, затем депутат АНС от грузинских меньшевиков, комиссар внутренних дел

Абхазии (1919). Принимал руководящее участие в разгроме абхазского десанта у Моквского монастыря (лето 1918) и репрессиях против народа. Член Учредительного собрания Грузии (1919–1921).

ТУРЧАНИНОВ – полковник, представитель генерала Деникина в Сухуме (1919), арестован властями Грузии вместе с генералом А.Шатиловым по личному указанию В.Чхиквишвили.

ТУХАРЕЛИ Георгий Александрович (1891–1937), родился в Гурии, в 1913 окончил военное училище, участник Первой мировой войны. С марта 1918 в Грузии. Во второй половине 1918 высадился в Сухуме вместе с генералом Г. Мазниевым (Мазниашвили). Неоднократно подавлял народные выступления, проводил карательные мероприятия в селах Гудаутского и Кодорского участков, а в октябре 1918 ввел вооруженных гвардейцев в парламент Абхазии и разогнал его. В 1919 возглавил Штаб обороны Абхазии. Будучи полковником грузинской армии, после советизации в 1921 переметнулся на сторону большевиков. В 1924 подавлял меньшевистское восстание в Гурии и Сванетии. Занимал командные должности. В 1927 в Москве окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе, в 1932 стал кандидатом в члены ВКП(б). Комдив.

В 1936 помощник командующего войсками Закавказского округа. Репрессирован.

УБИРИЯ Михаил Спиридонович (1883–1976), родился в Абхазии, в селе Акваска Кодорского участка. Мать Дарико (Дарья) Дараселия. Учился в Тбилисском университете. Комиссар внутренних дел Абхазии, депутат Абхазского Народного Совета (1919–1921). После советизации Грузии эмигрировал. Окончил в Праге Высшую коммерческую школу, работал в банках, а с 1945 – сотрудник Государственного комитета планирования Чехословакии. Похоронен в Праге.

УЭЛЛС (УЭЛЬС) Герберт (1886–1946), английский писатель, публицист. В сентябре 1920 по приглашению Л.Б. Каменева посетил Советскую Россию, жил в квартире Горького, встречался с Лениным. О своих впечатлениях написал ряд статей для газеты The Sunday Express, вошедших затем в его книгу «Россия во мгле». Эти статьи тогда заинтересовали Демьянова. Особое впечатление на него произвело описание личности Маркса и его бороды... Вот как охарактеризовал Маркса писатель: «Я буду говорить о Марксе без лицемерного почтения. Я всегда считал его скучнейшей личностью... Должен признаться, что в России мое пассивное неприятие

Маркса перешло в весьма активную враждебность. Куда бы мы ни приходили, повсюду нам бросались в глаза портреты, бюсты и статуи Маркса. Около двух третей лица Маркса покрывает борода – широкая, торжественная, густая, скучная борода, которая, вероятно, причиняла своему хозяину много неудобств в повседневной жизни. Такая борода не вырастает сама собой; ее холят, лелеют и патриархально возносят над миром. Своим бессмысленным изобилием она чрезвычайно похожа на «Капитал»; и то человеческое, что остается от лица смотрит поверх нее совиным взглядом, словно желая знать, какое впечатление эта растительность производит на мир. Вездесущее изображение этой бороды раздражало меня все больше и больше. Мне неудержимо захотелось обрить Карла Маркса». Обилие изображений Маркса в Тифлисе произвело негативное впечатление и на А. Демьянова, который вспомнил Уэллса...

ХОМЕРИКИ Ной Георгиевич (1883–1924), грузинский политик. После Февральской революции избран в Учредительное собрание России по списку меньшевиков. С ноября 1917 член Национального Совета Грузии, с февраля 1918 депутат Закавказского сейма. 26 мая 1918 подписал Акт о независимости Грузии, а 8–11 июня 1918, будучи министром сельского

хозяйства, вел переговоры с делегацией АНС в Тифлисе о подписании договора. После советизации Грузии эмигрировал в Константинополь. Вернулся, – и в 1923 был арестован в Тифлисе. Расстрелян 30 августа 1924 по распоряжению Ф.Дзержинского вместе с В.Чхиквишвили и другими.

ЦЕРЕТЕЛИ Ираклий Георгиевич (1881–1959), известный политический деятель России и Грузии. В 1900 поступил на юридический факультет Московского университета, но за участие в студенческих выступлениях сослан в Сибирь (1901–1903). После II съезда РСДРП меньшевик, член Тифлисского комитета партии. В 1904 поступил в Берлинский университет, но в связи с революцией 1905, несмотря на туберкулез, вернулся в Россию, в 1907 избран во II Госдуму. После разгона Думы был осужден и находился в сибирской ссылке до 1917. После Февральской революции вернулся в Петроград, вошел в состав Исполкома Петроградского Совета, вместе с Ф. Даном и Н. Чхеидзе был одним из самых видных меньшевиков. Неоднократно сталкивался с Лениным по вопросам войны и мира. Занимал пост министра почт и телеграфов во Временном правительстве. Октябрьскую революцию не принял. После роспуска Учредительного собрания уехал в Грузию, где стал одним из лидеров ГДР. В

1919 – представитель Грузии на Парижской мирной конференции. После советизации в эмиграции. В 1931 окончил юридический факультет университета Сорбонны (Париж). С 1940 – в США, где и скончался. Похоронен под Парижем.

ЦУЛУКИДЗЕ М.А. – грузинский социал-демократ, депутат АНС (1919), редактировал газету «Сухумский листок», заведовал обысками, арестами и перлюстрацией писем.

ЧХЕИДЗЕ Николай (Карло) Семенович (1864–1926), видный политический деятель России и Грузии. Учился в Новороссийском университете и в Харькове, откуда исключался за участие в студенческих волнениях. С 1898 член РСДРП, с 1903 меньшевик. Впервые перевел на грузинский язык «Манифест Коммунистической партии». Принимал участие в революции 1905. Депутат III и IV Госдумы, глава фракции меньшевиков. После Февральской революции был избран Председателем Петербургского Совета рабочих и солдатских депутатов. Участвовал в переговорах об образовании Временного правительства, подвергался резкой критике со стороны Ленина. Обвинял большевиков в заговоре. После него Председателем Петроградского Совета стал Лев Троцкий. К Октябрьской революции от-

неся отрицательно, уехал в Грузию и больше в Россию не возвращался. С 1918 – председатель Закавказского сейма, а затем Учредительного собрания Грузии. В 1919 был представителем Грузии на Парижской конференции вместе с И.Церетели. После советизации Грузии эмигрировал во Францию, был главой правительства Грузии в изгнании. Покончил жизнь самоубийством будучи смертельно больным туберкулезом.

ЧХЕНКЕЛИ Акакий Иванович (1874–1959), грузинский политический и государственный деятель, юрист. Родился в селе Окум Самурзаканского участка (Абхазия). Социал-демократ. Печатался под псевдонимом Окумели (Окумский). Учился в Киеве, Берлине и Лондоне. В 1912 от Сухумского округа, Батумской и Карской областей избран депутатом IV Госдумы. После Февральской революции, в 1918 возглавлял правительство ЗДФР и министерство иностранных дел. С объявлением независимости ГДР занял пост министра иностранных дел Грузии (его сменил Е.Гегечкори). После советизации Грузии в эмиграции. С февраля 1921 посол Грузии во Франции.

ЧХИКВИШВИЛИ Вениамин (Бено) Григорьевич (1881–1924), русский революционер и грузинский

политик. Член Учредительного собрания Грузии (1919–1921), мэр Тифлиса (1920). В 1991 в Батуме стал членом РСДРП. Делегат II съезда РСДРП (1903), один из лидеров грузинских меньшевиков и революционного движения в Гурии в 1905, руководитель «Гурийской республики» («президент Гурии»). С 1908 по 1917 на каторге и в ссылке в Сибири. После Февральской революции вернулся в Грузию, а затем прибыл в Абхазию. В июле 1917 избран городским головой Сухума и председателем Совета рабочих и солдатских депутатов (до 2 мая 1918). Его сменил большевик Ефрем Эшба. В этот период Чхиквишвили тесно сотрудничал с Акакием Чхенкели и Валико Джугели. В октябре 1918 назначен Чрезвычайным комиссаром Сухумского округа, участвовал в разгоне абхазского парламента и репрессиях. В 1919 столкнулся на заседании АНС с абхазским депутатом Ражденем Какубава после чего вынужден был оставить Абхазию. В 1920 стал губернатором Батумской области, а в феврале 1921 назначен генерал-губернатором Восточной Грузии. После советизации Грузии эмигрировал и жил в Стамбуле, во Франции, в Германии. В мае 1924, несмотря на болезнь легких, вернулся в Грузию с Валико Джугели и др. В 1924 арестован и по постановлению ЧК Грузии расстрелян.

ЧХОТУА Рафаил Николаевич, полковник, с 25 июля по 10 октября 1918 министр по делам Абхазии в Правительстве ГДР, сменил на этом посту Р. Какубава. После разгона грузинскими гвардейцами АНС (9–10 октября 1918) полковник Чхотуа был обвинен в заговоре против Грузинской республики и подвергся преследованию. Однако позднее этот вопрос был урегулирован.

ШАТИЛОВ А. – генерал Белого движения, по поручению генерала Деникина вместе с полковником Турчаниновым в 1919 находился в Сухуме. Арестован по приказу В. Чхиквишвили.

ШЕРВАШИДЗЕ Александр Григорьевич (1854–1933), родился в селе Кутол Кодорского участка, князь, кавалер двух Георгиевских крестов, политический деятель. В 1905, 1911 был председателем Сухумской городской Думы, Сухумским городским головой (1911, 1917). Принимал активное участие в общественной жизни Абхазии, был одним из инициаторов попыток преобразования Сухумского округа в губернию (1905 и 1914). Пользовался большим уважением у принца А.П. Ольденбургского, в мае 1912 торжественно встречал императора Николая II во время посещения «Гагринской климатической станции». После Февральской революции руково-

дил в Абхазии Окружным комитетом общественной безопасности. Обладал крутым нравом. Вместе с князем Таташем Маршания был сторонником включения Абхазии в состав «Горской республики», принимал активное участие в переговорном процессе на Батумской конференции (май 1918). За эту позицию Ной Жордания его резко осуждал. Принимал участие в вооруженной попытке изгнания грузинских войск из Абхазии в июне–августе 1918. Подвергался преследованию со стороны правительства ГДР. Позднее, вместе с Т. Маршания и другими абхазскими офицерами, находился в рядах Добровольческой армии с целью привлечь генерала Деникина к идее освобождения Абхазии от грузинской оккупации. После установления советской власти жил в Абхазии; как и Т. Маршания тесно общался с председателем правительства Н. Лакоба.

ШЕРВАШИДЗЕ (ЧАЧБА) Александр Константинович (1867–1968), родился в семье Константина (Хуршидбея) Шервашидзе, родного брата последнего владетельного князя Абхазии Михаила Шервашидзе; выдающийся русский художник. Учился в Москве, долгое время работал в Париже. Входил в художественное объединение «Мир искусства» (Л. Бакст, А. Бенуа, И. Билибин, С. Дягилев, Е. Лансере, И. Левитан, К. Сомов, В. Серов и др.). Работал с

реформаторами театра режиссерами В. Мейерхольдом и Н. Евреиновым. В 1907–1918 один из самых известных сценографов Петербургских императорских театров – Мариинского и Александринского. Был правнуком грозного правителя Абхазского княжества знаменитого Келешбея Чачба (Шервашидзе). По этому поводу режиссер Н. Евреинов писал: «Князь Александр Константинович потомок абхазских Царей, воплощение того восточного рыцарского благородства, которое в наше время почти сказочная редкость». В 1909 был секундантом М. Волошина на дуэли с Н. Гумилевым. После Февральской революции художник приехал в Сухум (1917), где жил в доме своего двоюродного брата писателя Г.М.Шервашидзе (умер в 1918). В 1918 он вновь посетил Абхазию с будущей женой Н.И. Бутковской. Вместе с Н. Евреиновым и поэтом В. Каменским они организовали Сухумское артистическое общество (САО), ставили спектакли, устраивали выставки, читали лекции (1919). В октябре 1918 Владимир Чачба (младший брат А. Шервашидзе), будучи депутатом Абхазского Народного Совета, был обвинен грузинскими властями в попытке переворота, арестован и заключен в Метехскую тюрьму. На этом заседании парламента присутствовал и Александр Константинович, который поддержал брата и резко высказался против

председателя АНС Варлама Шервашидзе, занимавшего прогрузинскую позицию. В результате знаменитого художника тоже арестовали и выслали под надзором в Тифлис. Позднее Николай Евреинов в письме поэту М. Волошину сообщал: «А[лександр] Константинович бежал из Грузии от меньшевиков, теснивших его друзей абхазцев, ныне большевиков, причем его провожал в Батуме сам тов. Лакоба – нынешний Предсовнаркома Абхазии...». (10 июля 1924). В 1920 художник вместе с Натальей Бутковской выехал сначала в Лондон, а потом в Париж. С этого времени он оформлял спектакли Русского балета С.П. Дягилева и странствовал по Европе. Сотрудничал с П. Пикассо, Ж. Браком, С. Дали и др. В старости его поддерживала принцесса Монако Грейс Келли (в прошлом американская звезда), журналист из Нью-Йорка Софья Томара-Кларк (дочь Сухумского городского головы М.Л. Томара, 1904–1905). Будучи почетным принцем Монако, он умер в возрасте 101 года и был похоронен на Русском кладбище в Ницце. В 1982 прах А.К. Шервашидзе был перевезен на родину и с почестями погребен в Сухуме.

ШЕРВАШИДЗЕ Варлам Александрович (1889–1957), родился в селе Охурей Самурзаканского участка. Врач, политический деятель Абхазии, грузинский

меньшевик, дважды становился председателем АНС (1918–1921), член Учредительного собрания Грузии (1919–1921). Будучи ставленником Тифлиса активно выступал с Владимиром Эмухвари против абхазских «независимцев», принимал непосредственное участие в преследовании В.К. Чачба, его брата художника А.К. Шервашидзе и депутата АНС А.А. Демьянова. Был конформистом, сторонником компромиссов и уступок с Тифлисом, однако в некоторых случаях протестовал против бесчинств, творимых грузинскими властями. После советизации отошел от политики, целиком отдавшись медицине.

ШЕРВАШИДЗЕ (ЧАЧБА) Владимир Константинович (1879–1937), родился в селе Лыхны Гудаутского участка. Видный политический деятель Абхазии, младший брат художника А.К. Шервашидзе, правнук владельца Абхазии Келешбея. Семье Шервашидзе царские власти навсегда запретили не только жить, но и въезжать в Абхазию. Такая возможность у братьев появилась лишь после Февральской революции. Владимир окончил юридический факультет Киевского университета, офицер, участник русско-японской и Первой мировой войны, награжден орденами за храбрость и мужество. В октябре 1906 приехал в Абхазию, но ему не разре-

шили остаться на родине. В 1918 активно включился в освободительное движение, избран депутатом АНС, а 9–10 октября 1918 депутаты большинством голосов избрали его председателем АНС вместо Варлама Шервашидзе, но тот связался с Тифлисом, призвал на помощь грузинских военных, которые силой разогнали парламент. Таким образом, Владимир Чачба вместе с другими депутатами были арестованы, высланы из Абхазии и заключены в Метехи. Тогда же арестован и отправлен в Тифлис А.К. Шервашидзе. После освобождения Владимир едет в Баку и Дагестан, где обсуждает с Г. Орджоникидзе и С.Кировым обстановку в Абхазии. В 1920 в Баку на I съезде Народов Востока встречается с Е.Эшба, Н.Лакоба, Н.Акиртава. Направлен на подпольную работу в Абхазии (псевдоним Набаров). После установления соввласти был членом Ревкома Абхазии, Верховного Суда. В 1937 расстрелян как сторонник Н. Лакоба. Внук Владимира Чачба, Никита Георгиевич Шервашидзе (1941–2008), в 1993–1995 был министром энергетики Болгарии.

ШИНГАРЕВ Андрей Иванович (1869–1918), русский политический и государственный деятель. Член ЦК партии кадетов, министр финансов Временного правительства. Депутат II, III, IV Госдумы. По постановлению Петроградского ВРК арестован,

заключен в Петропавловскую крепость, а затем переведен в Мариинскую тюремную больницу, где был убит вместе с Ф. Кокошиным революционными матросами.

ЩЕГЛОВИТОВ Иван Григорьевич (1861–1918), государственный деятель, министр юстиции России (1906–1915), последний председатель Госсовета Российской империи (1917). Во время Февральской революции арестован, заключен в Петропавловскую крепость. Переведен в Москву и как заложник публично казнен во внесудебном порядке после объявления «красного террора» вместе с другими государственными и церковными деятелями.

ЭМУХВАРИ Дмитрий (Арзакан) Константинович (Кизилбекович) (1880–1939), родился в селе Реппо-Шешелети (по другим данным в селе Чхортол) Самурзаканского участка. Грузинский политик, член Учредительного собрания Грузии (1919–1921). Принимал участие в революции 1905 в Сухуме, был осужден. Активный сторонник присоединения Абхазии к Грузии. 20 марта 1919 как председатель АНС объявил Абхазию автономной частью Грузинской республики (автономия так и не была юридически оформлена). С мая 1919 по март 1921 возглавлял правительство – Комиссариат Абхазии.

В Тифлисе его считали более верным, чем Варлама Шервашидзе. Будучи грузинским социал-демократом, не пользовался расположением народа. В Комиссариате создал специальный «переселенческий отдел», который занимался выселением греков и переселением в Абхазию крестьян из Западной Грузии. После советизации жил в Константинополе, потом эмигрировал в Прагу. Скоропостижно скончался в Париже. Председатель первого АНС Симон Басария писал о нем позднее: «Своей трусостью, бестактностью он осложнял еще более отношение абхазов к грузинам. Ко всему этому он совершенно не владел абхазским языком; впрочем народ его не видел и видеть не хотел». Похоронили его на Левилльском кладбище во Франции вместе с другими членами правительства Грузии. Особенно близок он был в эмиграции со своим самурзаканским земляком Акакием Чхенкели, с которым окончили одну и ту же Окумскую школу в Абхазии.

ЭМУХВАРИ Владимир (Ладо) Константинович (1886–1961), родился в селе Окум Самурзаканского участка. Политический деятель, депутат Абхазского Народного Совета (1918). Будучи студентом принимал участие в революции 1905 в Абхазии, за что был осужден. В 1910 в газете «Кутаисский листок» публиковал «Письма из Самурзакана». В

1915 окончил юридический факультет Московского университета. После Февральской революции стал депутатом АНС от партии грузинских меньшевиков (до 1918). Потом примкнул к национал-демократам. Во время разгона АНС в октябре 1918 выступил на стороне Варлама Шервашидзе против Владимира Чачба (Шервашидзе) и сторонников самостоятельности Абхазии, которые были арестованы и заключены в тифлисскую тюрьму, а художник А. Шервашидзе выслан из Абхазии. В 1920 направлен Тбилиским университетом в Берлин. В 1924–1930 жил в Праге в одном доме с Арзаканом Эмухвари. Тесно общался и дружил со своими земляками Акакием Чхенкели и Михаилом Убиря. В Праге окончил факультет права и социальных наук Украинского Свободного университета. Стал доктором права (1927). В 1931 – в Париже. В 40-е проходил курсы в университете Бордо и жил в Баварии. Находясь в эмиграции, во многом разочаровался и обоснованно считал, что «закончил свою миссию в Абхазии в конце 1918 года», совершив ряд ошибок. Эмухвари дискутирует с грузинскими социал-демократами в изгнании, пытается указать на допущенные ошибки, отстаивает права Абхазии. В письме Акакию Чхенкели (17 января 1938) он говорит «об обязанностях абхаза-интеллигента». «Таким интеллигентом я считаю тебя, –

отмечает Эмухвари, – ты не должен забывать о том, что абхазская земля взрастила тебя и благодаря ей ты сделал свою политическую карьеру (в 1912 году стал членом IV Государственной Думы, был избран от имени Абхазии)... Дело не только в том, чтобы было выиграно дело Грузии в Абхазии, а в том, чтобы было выиграно дело Абхазии в Грузии». В 1961 В.К. Эмухвари умер в доме престарелых близ Парижа. Похоронен в Левилле.

 ♦ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Абхазский государственный музей (АГМ). Фонд 3. Опись 1. Дело 89 (МАРТИН Август).
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд Р– 6632. Опись 1. Дело 4 (ДЕМЬЯНОВ А. А.)
- Абхазия – документы и материалы (1917–1921). // Сост.: Р. Х. Гожба. Сухум. 2009.
- Абхазский архив. XX век. Вып. I. // Сост.: С. З. Лакоба, Ю. Д. Анчабадзе. М. 2003.
- Абхазский биографический словарь. // Под ред. В. Ш. Авидзба. М. – Сухум. 2015.
- Абхазский Народный Совет. 1917–1920. Документы и материалы. // Сост.: Р. Ходжаа. Сухум. 2007.
- Агумаа А. С. Старый Сухум. Сухум. 2016.
- Архив Русской революции. Берлин. 1922. Т. IV. С. 55 – 120.
- Архив Русской революции. Берлин. 1922. Т. VII. С. 34 – 52.
- Бжания М. Г., Князева А. А. История революционного движения в Абхазии по фондам Государственного архива Российской Федерации. (1905–1921). Сборник документов. М. 2019. Док. № 57. С. 213 – 227.
- Куправа А. Э. Люди: время и жизнь. Сухум. 2010.

- Страницы грузино-абхазской информационной войны. // Сост.: Т. А. Ачугба, Д. Т. Ачугба. Т. II. Сухум. 2015.
- Участники освободительного движения в Абхазии (1917–1921). // Сост.: А. Э. Куправа, А. Ф. Авидзба. Сухум. 2007.
- Чочуа А. М. Избранные сочинения. Тбилиси. 1987.
- Аджинджал Б. М. Страницы большой жизни. Сухум. 1985 / на абх. яз. /.
- Анчабадзе Ю. Д. Владимир Эмухвари: абхазский интеллеktуал в эмиграции. // Вестник Академии наук Абхазии. Сухум. 2017. № 7. С. 55 – 65.
- Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии с древнейших времён до наших дней. Сухум. 2015.
- Григориадис Георгиос. Сухумской Эллинское общество. // Афинский курьер. 26 марта – 2 апреля 2014.
- Дзидзария Г. А. Очерки истории Абхазии (1910–1921). Тбилиси. 1963.
- Дзидзария Г. А. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми. 1979.
- Лакоба С. З. Август Мартин и эстонские материалы о событиях в Абхазии (1917–1921) // Диалог времен. Альманах. Сухум. 2018. № 2. С. 168 – 177.
- Лакоба С. З. «Крылились дни в Сухум–Кале...». Сухуми. 1988.
- Лакоба С. З. «Народ его не видел и видеть не хотел...». К политическому портрету Арзакана Эмухвари. Газ.: Абхазия. 1991. 6 августа. № 31.
- Лакоба С. З. Ответ историкам из Тбилиси. Сухум. 2001.

- Лакоба С. З. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми. 1990.
- Маршания Нато. Непреклонный рыцарь. Арзакан Эмухвари. Тбилиси. 2014.
- Муханов В. М. «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской Республики. 1917–1921. М. 2019.
- Новиков В. В. Абхазский государственный проект в 1918–1921 гг.: предпосылки и попытки реализации. // Кавказский сборник. 2020. Т. 12. С. 57 – 75.
- Русские в Абхазии. // Под ред. Посла РФ в Республике Абхазия С. В. Григорьева. Сухум. 2011.
- Шервашидзе Никита. О зарубежных Шервашидзе. Ставрополь. 2012.
- Шервашидзе-Чачба Р. А. «Апсны, твой древний клич...». Ерцаху. Литературный сборник. Сухум. 1984. С. 210 – 211.

Учр.

Объединение Российских Земских и Городских деятелей в Чехословацкой Республике.

Анкетно-регистрационная карточка № 21144.

Лит. Д.

Место и время регистрации: гор. Джана м.к.с. Меджи кв. II 1922 года.

Удостоверение №

Фамилия Деметриш Имя Александр Отчество Александрович

Регистр. карточка № 21144.

Возраст 28 Место рождения: гор. Деметриш губ. Иркутская Адрес Иркутская провинция

<p>Семейное положение. Холост или женат: <u>холост</u> Имя жены: <u>Евдокия</u> Возраст жены: <u>41</u> Есть ли дети, сколько, сколько лет: <u>нет</u> Перечислите имена и возраста детей: <u>нет</u> <u>нет</u> Где находится семья: <u>в России</u> Имеется ли кто либо из родных за границей: <u>нет</u> Где: <u>нет</u> Материальное положение. Имеется ли какой либо постоянный доход: <u>нет</u> Размер дохода, заработка: <u>нет</u> Где служат, работает: <u>нет</u> Нуждается ли в материальной помощи, какой: <u>нет</u> Получает ли откуда либо помощь, откуда и какую: <u>нет</u></p>	<p>Общие вопросы. Какие документы, удостоверения личности, имеются на руках: <u>паспорт от 1881</u> Нужен ли вид на жительство: <u>нет</u> Откуда прибыл в Чехию: <u>из Чехословацких государств</u> В каких государствах проживал до прибытия в Чехию: <u>в России</u> Когда прибыл в Чехию: <u>в 1919 г.</u> На чей счет прибыл: <u>за свой счет</u> Когда выехала из России: <u>в 1919 г.</u> Образовательный ценз. Грамотен или нет: <u>да</u> Где получал образование: <u>в России</u> Какие предметы изучал: <u>русский язык, математика</u> Какие знает языки: <u>русский, чешский</u> Желает ли получить какое-либо образование: <u>нет</u> Желает ли обучать своих детей: <u>нет</u> Вопросы труда. Каков знает ремесло: <u>нет</u> Чья занимался в России: <u>в России</u> Нуждается ли в работе: <u>да</u> Не желает ли изучать спец. ремесло: <u>нет</u> Не желает ли усовершен. по своей спец.: <u>нет</u></p>	<p>Специальн. воп. для военнопльн. Когда попал в плен: <u>нет</u> Где: <u>нет</u> Через какие лагеря прошел: <u>нет</u> Состоит ли в связи с военнопльн.: <u>нет</u> Примечание: <u>нет</u></p>
---	--	--

Подпись заявителя: Александр Деметриш
Дл. подразделения: Деметриш

ГАРФ Ф. Р-5764. ОП.3. Д.1554

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия
3

В Абхазии и Грузинской
социалистической Республике
13

Именной указатель
142

Источники и литература
177

Александр Алексеевич
ДЕМЬЯНОВ

ЗАПИСКИ
об Абхазии и Грузии
(1918 – 1921)

Редактор *В. Пейливанова*
Компьютерная верстка *Н. Гунба*
Технический редактор *Н. Гунба*
Художник *А. Лабахуа*

Формат 70x100 1/32. Физ. печ. л. 5,75. Усл. печ. л. 7,475. Тираж 500.
Заказ №3.

Г Республика Абхазия,
РУП «Дом печати», г. Сухум, Эшба, 168.